Годъ КІЕВСКІЯ XXXVIII

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкой.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1900 года. № 20. 15 Октября.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СЛОВО

При открытіи Кіевскаго Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія своего проповѣдническаго года, произнесенное 24 сентября 1900 г. на литургіи въ Кіево-Срѣтенской церкви

Открывая седьмой проповѣдническій годъ, Кіевское Общество религіозно-нравственнаго просвѣщенія поставляетъ себѣ въ священный долгъ молитвенно помянуть скончавшихся 7 и 5 іюня первоначальниковъ своихъ—почетнаго покровителя Высокопреосвященнаго Митрополита Кіевскаго Іоанникія и почетнаго члена, бывшаго настоятеля св. храма сего, протоіерея Павла Антоновича Троцкаго.

Кончина Высокопреосвященнаго Митрополита Іоанникія оплакана не Кіевскою паствою только, но и всею русскою церковью и народомъ, Первородный Сынъ и Державный Вождь, которыхъ на докладѣ о смерти Первосвятителя начерталъ Свое Царское—„искренно сожалѣю"; оплакана она и за предѣлами Россіи—Первосвятителями и патріархами церквей восточныхъ.

Кіевское религіозно-просвѣтительное Общество почитаетъ себя счастливымъ, что самымъ существованіемъ своимъ обя-

зано Святителю столь славному, и что первые, труднѣйшіе, годы своей дѣятельности провело подъ высокимъ покровительствомъ и мудрымъ руководствомъ Того, чье имя принадлежитъ исторіи и займетъ мѣсто среди столповъ русской церкви, особенно—въ области просвѣщенія и христіанской благотворительности. „Доброе начало—половина дѣла", сказалъ однажды приснопамятный Святитель собравшимся въ его покояхъ членамъ Общества по поводу религіозно-просвѣтительной дѣятельности послѣдняго; половина этого принадлежитъ самому въ Бозѣ Почившему, который и учредилъ Общество и призвалъ „Божіе благословеніе на благія начинанія кіевскихъ пастырей", и направилъ его дѣятельность туда, гдѣ она была наиболѣе необходима. Осторожный во всемъ, мудрый и проницательный, Высокопреосвященный Митрополитъ Іоанникій призывалъ къ жизни только то, что благовременно и благопотребно, и что, какъ такое, должно существовать. Эту благовременность и благопотребность усмотрѣлъ онъ и въ учрежденіи для Кіева Общества, которое бы сплотило пастырскія силы въ дѣлѣ церковнаго и внѣцерковнаго учительства, объединивши ихъ съ свѣтскими друзьями церкви, подкрѣпивши сочувствіемъ и всяческою помощью сихъ послѣднихъ. Раздѣляя убѣжденіе, что современному священнику необходимо быть паче всего служителемъ слова, и что слово это должно раздаваться вездѣ, гдѣ только собираются люди и имѣютъ свободный часъ, чтобы послушать „отъ Божественныхъ Писаній", въ Бозѣ почившій Архипастырь радовался, когда религіозно-просвѣтительное Общество по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ открывало чтенія въ ночлежныхъ домахъ, больницахъ, мастерскихъ рабочихъ, въ казармахъ и въ народныхъ чайныхъ и аудиторіяхъ. Вездѣ вообще, а въ городахъ, какъ Кіевъ, особенно—такого рода учительство въ высшей степени благопотребно, ибо скопляющееся въ нихъ множество рабочаго и нерабочаго народа, не имѣя чѣмъ разум-

нымъ и полезнымъ наполнить праздничные вечера, предается праздничному разгулу съ его неизбѣжными послѣдствіями— всякаго рода безчинствами и преступленіями.

Не менѣе радовался Приснопамятный Святитель и тому, что въ отвѣтъ на запросы времени, характеризуемаго самыми разнообразными лекціями и публичными курсами, Кіевское религіозно-просвѣтительное Общество открывало богословскія лекціи для свѣтскихъ образованныхъ слушателей. Такимъ путемъ въ сознаніе свѣтскихъ людей вводили начала истинной христіанской философіи, заполнявшія въ ихъ умственной жизни и всемъ духовно-нравственномъ содержаніи тотъ огромный пробѣлъ, на какой свѣтскіе образованные люди, вслѣдствіе незнакомства съ. православно-христіанскимъ богословіемъ, обречены неизбѣжно. Обращаясь за разрѣшеніемъ основныхъ вопросовъ мысли и жизни къ Кантамъ, Дарвинамъ, Спенсерамъ, Толстымъ и др.., большинство изъ нихъ и не подозрѣваютъ, что вопросы эти давнымъ давно разрѣшены у церковныхъ мыслителей геніевъ, у св. Іустина Философа, Иринея Ліонскаго, Василія В., Григорія Богослова, Златоуста, Григорія Нисскаго, Іоанна Дамаскина, Дмитрія Ростовскаго, Тихона Задонскаго, Филарета Московскаго, Өеофана Затворника и мн. др., разрѣшены просто, ясно и въ то же время съ такою глубиною мысли, какая недоступна необлагодатствованному уму самаго геніальнаго писателя.

Наконецъ, благовременность и благопотребность объединенія пастырей на почвѣ учительнаго слова въ Бозѣ почившій митроп. Іоанникій усматривалъ изъ того, наблюдаемаго нынѣ, печальнаго явленія, что, гдѣ умолкаютъ законные пастыри церкви, тамъ дерзко возвышаютъ свой голосъ непризванные учители, растлѣвающіе церковь Божію, но ревностные, неутомимые и неистощимые въ своей пропагандѣ. Умѣя пользоваться мѣстомъ, временемъ и настроеніемъ народа, чтобы обольщать его они сильны своею сплоченностью и искусною орга-

низацію своей лжемиссіи. Для успѣха въ борьбѣ истиннымъ пастырямъ церкви необходимо сплотиться въ пастырское содружество, въ тѣсный братскій союзъ духовныхъ борцовъ, и словомъ убѣжденія, раствореннымъ евангельскою истиною и любовію, противостать всему тому, что не истинно и не православно, что раздираетъ церковь Христову, поселяя жестокую вражду и рознь между тѣми, кто должны бы быть братьями по крови, вѣрѣ и по своему историческому прошлому...

Въ эту сторону мудрый Архипастырь направлялъ дѣятельность религіозно-просвѣтительнаго Общества, чтобы она отвѣчала запросамъ времени и вѣрнѣе шла къ своей цѣли. Вниманіе свое къ Обществу Высокопреосвященный Митрополитъ Іоанникій выражалъ своими щедрыми жертвами на его нужды, а два года тому назадъ исхлопоталъ ему предъ св. Синодомъ стоющій не мѣнѣе 80000 р. участокъ земли, на которомъ должны быть воздвигнуты храмъ и домъ: очевидно, благостный Архипастырь возлагалъ на Общество большія надежды... Такое вниманіе и довѣріе въ высшей степени дороги Обществу, ибо они исходили отъ Архипастыря, для котораго слава Божія и благо пасомыхъ были дороже всего на свѣтѣ, который, что говорилъ, то и дѣлалъ, а въ молчаніи накоплялъ духовныя силы для святительскихъ подвиговъ, который въ святительскихъ трудахъ своихъ и всей жизни осуществляль законъ высшей правды и дѣятельной любви христіанской... Правда его была особенная, исключительная. Во имя этой правды Онъ творилъ дѣло Божіе на землѣ, не человѣкамъ угождая но Богу... Уста Его не глаголали льсти, сердце Его не знало пристрастія, весь Онъ чуждъ былъ лицепріятій... Таковъ Онъ былъ въ отношеніи ко всѣмъ сильнымъ и слабымъ, просителямъ и совѣтникамъ, близкимъ и дальнимъ., таковъ Онъ былъ въ опредѣленіи достоинствъ кандидатовъ въ разныя мѣста и въ назначеніяхъ на эти мѣста...

Оттого на назначенія Его смотрѣли какъ на жребій, указуемый свыше, и не роптали.

Смотря на Епископское служеніе, какъ на непрерывный подвигъ самоотверженія и въ этомъ именно полагая его недосягаемую высоту, въ Бозѣ почившій митрополитъ Іоанникій при хиритоніи своей далъ обѣтъ всю жизнь свою посвятить на служеніе церкви Божіей и своимъ пасомымъ. До конца дней своихъ святитель Божій остался вѣренъ данному обѣту: богатыя дарованія, золотое сердце, средства и все, чѣмъ наградилъ Его Господь и чѣмъ онъ могъ бы пользоваться для себя, посвятилъ Онъ своимъ паствамъ. Высота служенія, надмевающая дюжинныхъ людей для въ Бозѣ почившаго великаго Іерарха была только побужденіемъ усугублять подвигъ самоотверженія, подвигъ вѣры и дѣятельной любви. Пламенный, иногда цѣлонощный молитвенникъ, строгій аскетъ въ личной жизни, приснопамятный Святитель всегда и во всемъ стоялъ на высотѣ своего служенія и, какъ нѣкогда св. Василій Великій, скорѣе положилъ бы душу свою, чѣмъ измѣнилъ своему Архипастырскому долгу.

Но будучи мужемъ высшей правды и долга, неослабно строгимъ къ самому себѣ, высокопреосвященный Митрополитъ Іоанникій никогда не доходилъ до жестокости, чертвости или педантизма. Въ Его Архипастырскомъ служеніи „милость и истина срѣтались, правда и миръ лобызались. Онъ умѣлъ быть снисходительнымъ къ другимъ, особенно тамъ, гдѣ это вело ко благу милуемаго. Подъ строгою величественно-аскетическою наружностью скрывалось нѣжное, исполненое благожелательной ко всѣмъ и сострадательной любви, сердце. Любовь его не ограничивалась мысленными благожеланіями или словесною чувствительностью, но всегда являлась въ дѣлахъ... можно сказать, что вся жизнь его была любовью христіанскою, воплощаемою въ дѣла милости столько же духовной, сколько и тѣлесной. Какъ нѣкогда св. Василій Великій, онъ

средства свои употреблялъ на бѣдныхъ, больныхъ, сиротъ, благотворя систематично съ христіанскимъ разсужденіемъ. Не такъ цѣнилъ милостыню изъ рукъ въ руки,—которая часто дается для того только, чтобы отдѣлаться отъ докучливыхъ приставаній, или—чтобы поберечь нервы отъ непріятно раздражающихъ звуковъ и картинъ, и еще чаще попадаетъ въ руки обманщиковъ тунеядцевъ и, такимъ образомъ, потворствуетъ праздности и пороку, которая кромѣ того всегда унижаетъ человѣческое достоинство выпрашивающаго,—какъ цѣнилъ учрежденіе пріютовъ-школъ, ремесленныхъ классовъ для школьныхъ неудачниковъ, безплатныхъ, или дешевыхъ общежитій для учащихся, стипендій, больницъ, богадѣленъ для престарѣлыхъ и вообще такихъ учрежденій, которыми предупреждается нищенство и воспитываются для Общества честные и полезные труженики. На такія благотворительно-просвѣтительныя учрежденія благостный Архипастырь жертвовалъ десятки и сотни тысячъ, привлекая къ пожертвованіямъ на нихъ и другихъ. Великое множество людей благословляютъ и будутъ благословлять имя Митрополита Іоанникія за то, что на его средства получили образованіе, или научились полезному ремеслу, или же нашли себѣ пріютъ и пропитаніе въ горькомъ сиротствѣ, равно въ безродной и безпомощной старости. Ихъ, благодарныя слезы и молитвы—путь Почившему въ царство небесное!

Столь же близко и незабвенно для Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго Общества и имя скончавшагося 5-го іюня Прот. П. А. Троцкаго, который являлся ближайшимъ выполнителемъ благихъ начинаній высокопреосвященнаго Митрополита Іоанникія на пользу Кіевской епархіи. Первоначальникъ религіозно-просвѣтительнаго Общества въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, незабвенный Павелъ Антоновичъ сталъ другомъ общества прежде, чѣмъ оно оффиціально было утверждено, и до конца дней своихъ оставался душою его

и безсмѣннымъ работникомъ то въ качествѣ члена Совѣта, то въ качествѣ предсѣдателя Совѣта и Товарища предсѣдателя, то въ качествѣ устроителя и автора самыхъ чтеній. Особенно памятно намъ Его предсѣдательство въ Совѣтѣ, совпавшее съ тѣмъ временемъ, когда Обществу нужно было доказать свою жизнеспособность и тѣмъ утвердить право на самое свое существованіе... Юношески отзывчивый на все идеальное, на все, яже къ животу и благочестію, незабвенной Отецъ Протоіерей всецѣло отдался дѣлу Общества, радовался его радостями и скорбѣлъ при его малѣйшихъ неудачахъ. За все время существованія Общества П. А. не пропустилъ ни одного собранія его, первымъ приходилъ и послѣднимъ уходилъ изъ Совѣта, не смотря на то, что сложныя обязанности по законоучительству, приходу, благочинію, редакторству, по пожарному и взаимовспомогательному Обществамъ духовенства Кіевской епархіи отнимали у него, столь необходимые въ его возрастѣ, часы отдыха... Вѣчная тебѣ память, несравненный и неустанный труженикъ. Трудился Ты до изнеможенія, до самой смерти, и умеръ какъ то мимоходомъ, между дѣломъ и молитвою: нѣкоторые изъ близкихъ тебѣ по религіозно-просвѣтительному дѣлу и искренно любившихъ тебя, къ изумленію своему, узнали о твоей смерти тогда, когда прахъ твой уже нѣсколько дней покоился подъ могильнымъ холмомъ... Незлобивый, кроткій и никогда не помнившій обидъ, ты и на этотъ разъ простишь тѣхъ, которые, невольно, по невѣдѣнію, не отдали тебѣ послѣдняго долга...

Дороже всего Обществу было то, что П. А. своею привлекающею и всепримиряющею личностью объединялъ собратій для религіозно-просвѣтительнаго дѣла, такъ сказать, осуществлялъ идею пастырскаго содружества. Лелѣя идею эту въ сердцѣ и, какъ бы, осязая ее, онъ умѣлъ осуществлять ее и на дѣлѣ. Намъ нужно сдружиться, намъ нужно спѣться, не разъ говорилъ онъ собратіямъ, и дѣлалъ для этого все,

что только было въ его силахъ. Смиреніемъ своимъ и удивительнымъ незлобіемъ, привѣтливостью и участливымъ отношеніемъ ко всякому, желаніемъ и умѣніемъ понять каждаго, жить жизнію другого, онъ сплачивалъ вокругъ себя всѣхъ, располагалъ всѣхъ къ себѣ, а чрезъ себя—къ религіозно-просвѣтительному Обществу. На братскія собранія, бывавшія у него каждый мѣсяцъ собирались почти всѣ кіевскіе священнослужители. „Отцы и братія", Часто слышалось на этихъ собраніяхъ отъ, хозяина дома, старшаго по возрасту и положенію. И это не было фразой, а искреннимъ выраженіемъ того, что убѣленный сѣдинами и отличенный наградами о. протоіерей чувствовалъ себя меньшимъ, ни въ какомъ случаѣ не старше брата всѣмъ... Ничего начальническаго, ничего повелительнаго, но все по братски...

Напротивъ, всякаго онъ слушалъ, бывало, съ такимъ интересомъ, что, какъ будто бы, слышитъ это въ первый разъ и учится. „Вѣкъ живи, вѣкъ учись"—этому правилу житейскаго благоразумія смиренный служитель алтаря не измѣнялъ никогда. Никогда также и никому не навязывалъ онъ своихъ мнѣній и желаній, а только предлагалъ ихъ для обсужденія, охотно и кротко выслушивая критику. Никто на собраніи не смущался и не боялся за свое мнѣніе, что его не выслушаютъ или жестоко осудятъ, такъ какъ собранія эти были дѣйствительно братскія. Кроткая и всепримиряющая личность прот. Павла Антоновича старѣйшаго, на собраніи—объединяла всѣхъ въ дружную семью, въ которой всѣ становились какъ одна душа отъ того всякій уходилъ изъ собранія успокоеннымъ, ободреннымъ, съ новыми силами для нелегкаго пастырскаго дѣла... Дай Богъ, чтобы идея пастырскаго содружества на почвѣ резигіозно-просвѣтительнаго дѣланія и осуществленіе ея нашли себѣ подражателей и продолжателей среди сотрудниковъ въ Бозѣ почившаго отца протоіерея"...

„Поминайте наставниковъ вашихъ и, взирая на кончину, подражайте ихъ вѣрѣ“,—заповѣдуетъ св. Апостолъ. Отцы и братія св. храма сего! Молитвенно поминая въ Бозѣ почившихъ Высокопреосвященнаго Митрополита Іоанникія и прот. Павла А. Троцкаго, будемъ подражать ихъ вѣрѣ и проникаться тою святою ревностью, во имя которой они самоотверженно трудились для славы Божіей и блага ближнихъ. Будемъ подражать ихъ сыновей преданности св. церкви православной и любви не только къ вѣрнымъ ея чадамъ, но къ тѣмъ, которые уклонились отъ нея и блуждаютъ по путямъ погибельнымъ—въ своеволіи, гордынѣ и злобномъ отчужденіи отъ породившей ихъ и воспитавшей матери-церкви... Будемъ подражать ихъ христіанскому мужеству и твердости въ исполненіи каждымъ своего долга, во всѣхъ дѣлахъ не человѣкомъ угождая, но Богу.

Боже Праведный Милосердый. Помяни ихъ во царствіи своемъ и упокой съ праведными; а насъ утверди на тотъ путь, какимъ они шли, и одушеви святыми истинами, которыя они проводили въ сознанье своихъ духовныхъ чадъ во всѣ дни своей жизни. Пріобщи насъ къ ихъ христіанскимъ дѣламъ и вѣчной славѣ, которая, уповаемъ, уготована имъ въ обителяхъ Отца Небеснаго. А ты, Святитель Божій, проникновенный молитвенникъ за паствы свои еще на землѣ, ты великій Іерархъ церкви русской, не забудь насъ въ своихъ святыхъ молитвахъ въ твоемъ новомъ жительствѣ, гдѣ ни болѣзнь ни воздыханія не отвлекутъ тебя отъ всецѣлаго служенія Богу, въ молитвѣ къ которому и на землѣ проводилъ ты иногда цѣлыя ночи.—Аминь.

Свящ. *Г. Прозоровъ.*

Св. Евстафій Плакида въ Египтѣ.

VI.

(Продолженіе[1]).

Уже заря освѣтила море, вершины утесовъ и деревья своимъ кроткимъ блескомъ, когда Евстафій проснулся. Первая мысль его была о несчастьи, постигшемъ его самого, жену и дѣтей; радостныя картины очаровательнаго сна уступили мѣсто ужасной дѣйствительности. Онъ возвелъ къ небесамъ очи, полныя слезъ, поручая Господу свое грустное настоящее и невѣдомое будущее. Въ это время взошло солнце, озаряя землю благодѣтельнымъ и блистающимъ свѣтомъ. „Вчера на закатѣ, подумалъ Евстафій, оно было окружено тучами и густымъ туманомъ и погружено какъ-бы въ море крови; сегодня-же встаетъ свѣтозарное и сіяющее новымъ блескомъ. Это образъ жизни; тѣ, которыхъ мы болѣе всего любимъ, исчезаютъ для насъ въ мрачномъ туманѣ смерти; долгая ночь разлучаетъ насъ, но вскорѣ радостное утро соединитъ насъ въ сіяніи безсмертной жизни".

---

[1]) См. № 17 „Епарх. Вѣдом."

Теперь Евстафій думалъ лишь о томъ, какъ бы достичь скорѣе гавани, гдѣ долженъ былъ остановиться его корабль. Онъ надѣялся найти свою жену и прибѣгнуть къ помощи закона, чтобы вырвать ее у безбожнаго похитителя. Не теряя времени отправился онъ въ путь, продолжая странствіе на песчаной землѣ между моремъ и высокими утесами. Несчастный путникъ переносилъ трудности, превозмогавшія человѣческую силу: его палилъ невыносимый жаръ африканскаго солнца; голодъ онъ утолялъ устрицами, которыхъ находилъ на морскомъ берегу, а жажду росою, которую собиралъ на листьяхъ, и сокомъ, выжимаемымъ изъ растеній. Такимъ образомъ онъ безъ отдыха прошелъ большую часть дороги. Между тѣмъ утесы, окружавшіе море справа высокой стѣной, все болѣе сдвигались и, наконецъ, онъ приблизился къ мѣсту, гдѣ вода омывала подножіе скалы. Однако, онъ отыскалъ ущелье, которое вело въ горы, и довѣрчиво углубился въ нихъ, надѣясь, что вскорѣ наступитъ конецъ его странствію. Но ущелье примыкало къ пустынѣ еще болѣе дикой, нежели та, изъ которой вышелъ. Глаза его не встрѣчали слѣда человѣческаго и если-бы не слѣды дикихъ звѣрей, отпечатанные на пескѣ, то можно было бы подумать, что никогда ни одно живое существо не посѣщало этихъ мѣстъ. Ночной сумракъ уже окуталъ землю своимъ темнымъ покровомъ; Евстафій съ трудомъ взошелъ на вершину обрывистой скалы и укрылся на ночь въ пещерѣ. На утро онъ снова пустился впередъ. Пустыня становилась все страшнѣй и страшнѣй; уже снова солнце склонялось къ горизонту, а Евстафій не зналъ, когда наступитъ конецъ его путешествію. Доселѣ жизнь его поддерживали горькія ягоды, найденныя на скалѣ, и вода, зачерпнутая въ высыхающемъ источникѣ. Онъ уже считалъ себя обреченнымъ на голодную смерть въ этихъ дикихъ горахъ,

какъ вдругъ вдали мелькнула предъ нимъ узкая тропинка, по которой онъ и прослѣдовалъ нѣкоторое время, и внезапно, при поворотѣ съ крутой скалы, взоръ его погрузился въ долину. Вскорѣ открылъ онъ нѣсколько большихъ деревьевъ и хорошенькихъ лужаекъ, усѣянныхъ множествомъ красныхъ и желтыхъ цвѣтовъ; далѣе увидѣлъ онъ плодородныя и тщательно воздѣланныя поля, которыя простирались до большой деревни, гдѣ среди лѣса плодовыхъ деревьевъ пестрѣли крыши домовъ. Эта богатая страна, озаренная золотыми лучами прекраснаго солнца, представляла пріятное и разнообразное зрѣлище.

Евстафій быстро сошелъ съ косогора и до самаго прибытія въ деревню не переставалъ благодарить Бога, Который не допустилъ его умереть въ пустынѣ. У порога перваго жилища сидѣлъ одинъ старикъ, наслаждаясь лучами заходящаго солнца; возлѣ него играли два прекрасныхъ мальчика, казавшіеся его внуками. Евстафій, приблизился къ нему, спросилъ, можетъ-ли странникъ найти на ночь пріютъ въ этой деревнѣ. „Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ старикъ,—я съ удовольствіемъ предлагаю тебѣ свой кровъ. Я бѣденъ, но все, что имѣю, даю тебѣ отъ чистаго сердца“.

Печальный путникъ съ благодарностью согласился на это сердечное приглашеніе и вошелъ въ домъ хозяина, который поспѣшилъ принести ему хлѣба, нѣсколько плодовъ и немного вина. „Покушай, сказалъ онъ,—въ ожиданіи пока вернется съ полевыхъ работъ моя дочь и приготовитъ намъ ужинъ. Подкрѣпись и да благословитъ тебя Господь“. При этихъ словахъ Евстафій съ радостью узналъ въ старикѣ христіанина. „Хвала Богу, воскликнулъ онъ въ свою очередь, Который привелъ меня сюда, ибо и я также вѣрую въ божественнаго Спасителя нашего Іисуса Христа“. Евстафій и старый крестьянинъ, называвшійся Климентомъ, обнялись съ истинно братской любовью. Ихъ души поняли одна другую;

одна и таже вѣра, одно и то-же упованіе, одна и та-же любовь установили между ними единство мысли, которое сближаетъ тѣснѣе, нежели кровныя узы. Злосчастный полководецъ и бѣдный крестьянинъ почувствовали другъ къ другу такое глубокое довѣріе, какъ будто прожили вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ. Вскорѣ пришла и дочь старца со своимъ мужемъ. „Взгляните, сказалъ имъ честный Климентъ,—Господь послалъ къ намъ одного изъ Своихъ учениковъ; считайте его своимъ другомъ". Супруги съ дружеской улыбкой поклонились ему и усѣлись вблизи него. Евстафій разсказалъ имъ о своихъ несчастіяхъ и преслѣдованіяхъ, которыя потерпѣлъ за вѣру въ Іисуса Христа. Похищеніе жены и трагическая смерть его малютокъ живо тронула эту благочестивую семью. Молодая женщина не могла удержать своихъ слезъ, а старецъ преподалъ ему нѣсколько утѣшеній.

— Сны, которые небо послало тебѣ во время скорби, имѣютъ, вѣроятно, значеніе. Ты не видѣлъ, какъ звѣри разорвали твоихъ дѣтей; кто знаетъ, не спасены ли они чудеснымъ образомъ?

— Это невозможно, прошепталъ Евстафій.

— Какъ! воскликнулъ старецъ,—для Бога нѣтъ невозможнаго, его могущество безгранично; и если мечтамъ твоимъ суждено сбыться въ другомъ мірѣ, если дѣти твои дѣйствительно умерли, то у престола Божія они наслаждаются жизнью свѣтозарныхъ ангеловъ и здѣсь ты встрѣтишь ихъ несомнѣнно. Будь увѣренъ, что Господь сохранитъ твою супругу; ты найдешь ее въ Египтѣ и вырвешь изъ рукъ жестокаго похитителя. Если-бы силы позволили мнѣ, то я самъ проводилъ бы тебя; но вотъ зять мой Клитъ; онъ совершилъ уже это путешествіе, знаетъ дорогу и будетъ твоимъ проводникомъ. Завтра-же вы пойдете.

Слова эти были для Евстафія источникомъ утѣшенія и ужинъ окончился въ кроткомъ весельи. Успокоенный прише-

лецъ предался мирному сну, чувствуя, что въ душу его снова вселилась надежда.

На другой день, задолго до наступленія дня, онъ отправился въ путь съ зятемъ стараго Климента; они шли по утрамъ, отдыхая въ самую жаркую пору. Когда они перешли черезъ горы и вступили въ долину, Евстафій нанялъ верблюда, чтобы идти скорѣе и съ большими удобствами. Наконецъ, они прибыли въ торговый приморскій городъ, у котораго стояло на якорѣ множество кораблей. Евстафій поспѣшилъ осмотрѣть ихъ, и вскорѣ узналъ между ними тотъ, на которомъ они ѣхали. Онъ приблизился и разсмотрѣвъ украшенія его, увѣрился, что это то самое судно.

Одинъ изъ матросовъ, небрежно развалившійся на скамейкѣ, спросилъ, для чего онъ съ такимъ вниманіемъ осматриваетъ судно и не хочетъ ли купить его. Евстафій, которому слова эти показались горькой ироніей, со скорбью поглядѣлъ на него. „Я вовсе не шучу, сказалъ матросъ,—корабль продается; хозяинъ его очень богатый мавръ, потерялъ жизнь во время послѣдняго путешествія". Тогда Евстафій осадилъ его вопросами и увѣрился, что матросъ говоритъ правду „Я былъ тамъ, когда его сносили на землю, говорятъ, что онъ умеръ внезапно".—Это странно, отвѣчалъ Евстафій, но не видали ли вы женщины, которая была на кораблѣ?—Женщина? повторилъ матросъ,—тамъ не было женщины.—Нѣтъ, тамъ была женщина, настаивалъ Евстафій,—и скажи мнѣ, заклинаю тебя, что съ ней сталось. Но матросъ продолжалъ утверждать, что ни одна женщина не высадилась съ корабля и что онъ не слыхалъ даже, что на суднѣ была таковая.

Два купца, остановившіеся послушать споръ Евстафія съ матросомъ, подтвердили сказанное послѣднимъ.—„Я съ нетерпѣніемъ ждалъ товары, которые везъ мнѣ этотъ корабль, сказалъ одинъ изъ нихъ;—я вышелъ на берегъ, какъ только онъ

прибылъ; при мнѣ производили выгрузку всего, что на немъ было, но могу поклясться, что тамъ не было женщины.

Евстафій разсказалъ имъ свою исторію, прося купцовъ, которые, казалось, приняли участіе въ его горѣ, розыскать матросовъ экипажа и дознаться, что сталось съ его женой. Они обѣщали ему, если что возможно.

— Весь экипажъ нанялся на другіе корабли и въ настоящее время столько кипучихъ дѣлъ, что они можетъ быть уже пустили парусъ.

Купцы сдержали слово и въ скоромъ времени возвратились къ Евстафію съ вѣстью, что нашли двухъ матросовъ, которые однако отрицаютъ, что на кораблѣ была женщина.

Матросовъ повели на судъ на очную ставку съ Евстафіемъ. Каково было ихъ изумленіе, когда они увидѣли предъ собою человѣка, котораго жестокій ихъ господинъ высадилъ на пустынномъ мѣстѣ, тогда, какъ они считали его мертвымъ! Они сознались, что Евстафій, который сѣлъ на корабль съ семьей, не имѣлъ денегъ заплатить за переѣздъ и господинъ ихъ удержалъ невольницей его жену, къ которой питалъ бурную страсть. Но такъ какъ она презрѣла его любовь, то онъ въ припадкѣ ярости пронзилъ ее мечемъ, а трупъ ея приказалъ бросить въ море.

Кто опишетъ страданія Евстафія въ эту минуту? Онъ вышелъ изъ трибунала глубоко пораженный и безсознательно направился къ морю. Горе его было безмолвно и глаза блуждали, ничего не видя вокругъ. Долго стоялъ онъ на берегу; наконецъ глаза его наполнились слезами и возведя взоръ къ небесамъ, онъ воскликнулъ: „По предначертанію твоему, о Господи, смерть похитила у меня Ѳеописту! Подчиняюсь волѣ твоей со смиреніемъ! Ты призвалъ къ себѣ мою супругу... Она умерла жертвой варварской дикости, но умерла добродѣтельной! Прощай дорогая Ѳеописта, прости, чистая, безгрѣш-

ная душа; молись за меня, чтобы и я впослѣдствіи сподобился увидѣть тебя съ сыновьями у подножія престола Господня!"

Молодой крестьянинъ Клитъ, сопровождавшій Евстафія отправился съ верблюдомъ въ ближайшую гостиницу и кормилъ его въ то время, когда допрашивали матросовъ. Онъ съ ужасомъ узналъ о смерти Ѳеописты и весь въ слезахъ, съ удрученнымъ сердцемъ, пошелъ искать Евстафія, который глядѣлъ на море, ничего не видя.

— Боже великій, сказалъ онъ, не удивляюсь, что ты безъ слезъ не можешь смотрѣть на море, ибо это могила твоей супруги. Но вознеси лучше взоры къ небесамъ, гдѣ находится ея душа; смерть ея достойна зависти: она предпочла ее грѣху. Осуши слезы свои и возблагодари Бога за Его милосердіе.—Ты правъ, другъ мой, отвѣчалъ Евстафій, пожимая ему руку; она была злодѣйски убита, но свято окончила свою жизнь. Да пошлетъ намъ Богъ смерть столь-же достойную, если даже она будетъ гораздо ужаснѣе!

VII.

Нѣкоторое время Клитъ съ Евстафіемъ ходили молча по берегу, бесѣдуя съ Богомъ въ глубинѣ опечаленныхъ сердецъ.

— Уже ночь, промолвилъ Клитъ.—Я велѣлъ въ гостинницѣ приготовить ужинъ, и постель ждетъ тебя тамъ; иди со мной. Евстафій повиновался, но они не могли ѣсть. Они удалились въ свою комнату и долго еще бесѣдовали объ этомъ печальномъ происшествіи. Наконецъ, Клитъ сказалъ полководцу:—„Ничто болѣе не удерживаетъ тебя въ Египтѣ; что ты будешь дѣлать теперь?" —„Я еще не думалъ объ этомъ, отвѣчалъ Евстафій, но мнѣ остается поискать себѣ на землѣ уголокъ, гдѣ я могъ бы плакать и умереть, если Богъ не ра-

сполагаетъ иначе".—„Тогда ты пойдешь со мной, мой домъ и все что я имѣю, тебѣ принадлежитъ. Живи съ нами; отецъ и жена примутъ тебя съ радостью; они утѣшатъ тебя въ горѣ и постараются смягчить твои страданія. Ты будешь счастливъ съ нами, и дѣти мои разсѣютъ твою печаль". Поразмысливъ нѣкоторое время, Евстафій отвѣчалъ, что вернется къ нимъ, но не хочетъ быть имъ въ тягость и ѣсть хлѣбъ, добываемый ими въ потѣ лица не работая. „Кто не работаетъ, не долженъ ѣсть", говоритъ апостолъ. Онъ желаетъ раздѣлить ихъ труды и помогать въ обработкѣ полей; онъ надѣется, что его рука, владѣвшая нѣкогда мечемъ, и копьемъ, сумѣетъ управлять и плугомъ.

Добрый поселянинъ, обрадованный этимъ рѣшеніемъ, просилъ его не безпокоиться ни о чемъ, увѣряя, что они вмѣстѣ будутъ счастливы, какъ небесные ангелы. На разсвѣтѣ другого дня они взошли на верблюда и благополучно прибыли въ деревню. Семья великодушнаго Клита, отецъ, жена и дѣти встрѣтили ихъ съ радостью. Печальная вѣсть о несчастьи ихъ новаго друга исторгла слезы изъ ихъ очей. Старый Климентъ, узнавъ о намѣреніи Евстафія работать, покачалъ въ знакъ отказа сѣдой головой; но полководецъ настаивалъ. Онъ пожелалъ только имѣть въ осѣненной столѣтними пальмами долинѣ, вблизи дома этихъ благочестивыхъ земледѣльцевъ, небольшую хижину, гдѣ онъ могъ бы въ уединеніи предаваться размышленіямъ и молитвѣ въ свободное отъ работы время. Ему это было обѣщано и на слѣдующій день приступили къ дѣлу. Евстафій самъ руководилъ работами и при его помощи въ нѣсколько дней это жалкое жилище, едва способное укрыть отъ вѣтра, было окончено. Досчатая перегородка раздѣляла хижину на двѣ части: одна должна была служить жилищемъ на день, а во второй была поставлена убогая постель.

Жалкая лачуга покрытая мохомъ, съ соломенной крышей, была теперь жилищемъ знаменитаго полководца, который недавно еще жилъ среди роскоши въ мраморныхъ дворцахъ! Онъ съ жаромъ отдался земледѣлію и вскорѣ научился воздѣлывать поля, и занимался этой работой, которая сперва была ему такъ тяжела, не безъ удовольствія. Евстафій понялъ теперь мысль латинскаго поэта: „слишкомъ счастливы обитатели деревни; о, если-бы они понимали свое счастье!“ Онъ находилъ достойной зависти участь человѣка, который вдали отъ суеты мірской спокойно проводитъ дни свои, подобно, праотцамъ, въ воздѣлываніи земель, не зная ни лихоимства, ни мученій ненасытной алчности.

Въ часы, свободные отъ полевыхъ работъ, Евстафій не оставался празднымъ. Онъ обсадилъ свою хижину виноградниками, пересадилъ сюда финиковую пальму и съ любовью развелъ садовыя овощи и прекрасныя дыни. Онъ обѣдалъ обыкновенно вмѣстѣ съ этой доброй семьей въ ихъ жилищѣ или на полѣ. Сидя съ ними на дернѣ въ тѣни густаго дерева, онъ съ аппетитомъ кушалъ изъ одной миски, не желая лучшихъ кушаній. Но вечернюю трапезу онъ чаще всего готовилъ самъ; сидя у очага, онъ читалъ Евангеліе, Посланія апостоловъ или распѣвалъ псалмы, пока варился его скудный ужинъ.

Благочестивые поселяне часто приходили къ нему, чтобы отдохнуть подъ сѣнью пальмъ близъ его хижины отъ дневныхъ трудовъ и насладиться величественной красотой природы и пурпурнымъ горизонтомъ заката. Любуясь восходившими звѣздами они слушали поучительные разсказы Евстафія о бурныхъ перипетіяхъ его жизни. Однако, онъ тщательно скрывалъ отъ нихъ, что они имѣютъ предъ собою столь извѣстнаго въ Римской имперіи полководца Плакиду, и они знали его лишь подъ именемъ Евстафія.

Крестьяне, съ такой любовью принявшіе Евстафія, были почти единственными христіанами въ селѣ; тѣмъ не менѣе Евстафій старался быть полезнымъ всѣмъ безъ различія. Его знанія, опытность и мужество давали ему возможность помогать всѣмъ дѣлами и совѣтами. Поля ихъ часто опустошались оленями, вепрями, и даже дикими звѣрями пустыни, которые цѣлыми стаями нападали на скотъ.

Въ ту эпоху, когда еще не было извѣстно огнестрѣльное оружіе, трудно было, особенно миролюбивымъ крестьянамъ, защищать себя отъ этихъ нападеній. Храбрый Евстафій взялся охранять ихъ поля и стада отъ этихъ опустошеній и часто проводилъ темныя и бурныя ночи одинъ на дѣятельной стражѣ вдоль горъ. Какъ ловкій стрѣлокъ, онъ училъ крестьянъ попадать и побѣждать дикихъ звѣрей; онъ руководилъ охотой, и въ концѣ концовъ истребилъ множество волковъ и львовъ безъ всякаго вреда для охотниковъ.

Его храбрость внушала всѣмъ большое довѣріе, благородство души вызывало уваженіе; такимъ образомъ ему легко было привлекать къ себѣ сердца. Когда онъ по окончаніи трудовъ отдыхалъ подъ пальмами своей долины, къ нему каждый вечеръ стекались во множествѣ поселяне, женщины и дѣти и съ жадностью слушали его поученія. Онъ говорилъ имъ о счастьи истиннаго христіанина и тѣхъ, которые познали Іисуса Христа; онъ говорилъ потому, что вѣрилъ и слова его, исходившія изъ сердца, проникали въ глубину души. Ежедневно онъ приводилъ къ Господу нѣсколько человѣкъ, побѣждая ихъ любовью и красотой истины.

Однажды въ эту долину пришелъ христіанскій пресвитеръ, гонимый язычниками, который скрывался отъ своихъ преслѣдователей. Онъ окрестилъ обращенныхъ Евстафіемъ неофитовъ и далъ имъ хлѣбъ жизни. Хижинка полководца служила молельней; но когда священникъ возвратился черезъ нѣсколько лѣтъ снова, онъ долженъ былъ служить Бо-

жественную литургію подъ старыми пальмами, ибо къ радости Евстафія всѣ обитатели долины обратились въ христіанство.

Добродѣтельные жители деревни, составлявшіе такъ сказать, одно сердце и одну душу, представляли въ дѣйствительности восхитительную картину евангельскаго братства.

VIII.

Пятнадцать лѣтъ мирнаго счастья провелъ Евстафій среди этихъ честныхъ людей въ прекрасной долинѣ, не зная о томъ, что творится въ остальномъ мірѣ. Вдругъ, однажды вечеромъ, когда тѣни горъ простирались уже далеко по равнинѣ, медленно возвращаясь домой со своими животными, онъ замѣтилъ двухъ воиновъ, которые быстро къ нему приближались. Онъ издали узналъ ихъ по блестящему вооруженію, по сверкающимъ шлемамъ и копьямъ, по пурпурному одѣянію. Евстафія, бывшаго полководца и побѣдителя, видъ воиновъ внутренно обрадовалъ и онъ остановился. Вскорѣ они были возлѣ земледѣльца, который съ изумленіемъ узналъ въ нихъ своихъ вѣрныхъ слугъ и товарищей по оружію Антіоха и Акакія. Но послѣдніе совершенно не узнали въ этихъ загорѣлыхъ чертахъ бѣднаго крестьянина, въ грубой одеждѣ, полководца Плакиду.

Евстафій подалъ имъ руку и радостно воскликнулъ:— „Будьте желанными гостями, дорогіе друзья! Что привело васъ изъ міра въ эту долину, гдѣ въ теченіи многихъ лѣтъ не блестѣло римское копье?“—„Привѣтъ тебѣ добрый поселянинъ, отвѣчалъ Акакій;—мы прошли уже весь Египетъ, разыскивая по приказу императора, полководца Плакиду; но всѣ труды наши были напрасны и мы думаемъ, что порученіе это не доставитъ намъ чести и славы“. Видя, что они не узнали его, Евстафій сперва захотѣлъ убѣдиться остались

ли они его друзьями и вывѣдать, для чего разжаловавшій его императоръ приказалъ искать его теперь. Стараясь сохранить равнодушный видъ, онъ сказалъ имъ только:—„Можетъ быть вы найдете этого Плакиду скорѣе, чѣмъ думаете; наши желанія чаще всего исполняются тогда, когда мы менѣе всего ожидаемъ. Но солнце заходитъ, а вы утомлены съ дороги идите ко мнѣ на ночь, я съ радостью васъ приму“.

Солдаты не заставили повторить приглашеніе и пошли съ нимъ въ деревню.—Я долженъ посмотрѣть за своими волами, сказалъ Евстафій;—взойдите на верхъ и ждите меня тамъ, я догоню васъ черезъ минуту“.—„Наверхъ, въ эту скверную лачужку? спросилъ разочарованный Акакій,—развѣ не ты хозяинъ этой фермы?“—Нѣтъ, я только поденщикъ тѣмъ не менѣе вы будете довольны моимъ гостепріимствомъ“. —„Посмотримъ, сказалъ Акакій, недовѣрчиво покачавши головой и пошелъ по тропинкѣ на холмикъ вмѣстѣ съ Антіохомъ.

Торопливо накормивъ своихъ воловъ и поставивъ ихъ въ хлѣвъ, Евстафій сказалъ хозяевамъ, что пригласилъ къ себѣ на ночь двухъ храбрыхъ воиновъ, которымъ желалъ бы предложить маленькій ужинъ и немного вина. Фермерша тотчасъ принесла ему большой мѣхъ вина и свѣже испеченный хлѣбъ.

Взойдя въ хижину, Евстафій предложилъ воинамъ освѣжиться тѣмъ, что онъ принесъ имъ, въ ожиданіи ужина, и разлилъ вино по чашамъ. Акакій не заставилъ просить себя и сознался, что не ожидалъ найти въ подобной лачугѣ такое хорошее вино. „И такого славнаго человѣка“, добавилъ Антіохъ. хлопнувъ Евстафія по плечу. Понемногу, вино развеселило ихъ и они стали говорить о своемъ бывшемъ начальникѣ Плакидѣ, расточая похвалы его храбрости и семейнымъ добродѣтелямъ.

— Не хвалите такъ своего Плакиду, улыбнулся Евстафій, вы льстите ему; я увѣренъ, что онъ не лучше меня.

— „Не лучше тебя! гнѣвно воскликнулъ Акакій.—Ты, добрый человѣкъ, по истинѣ не дурного о себѣ мнѣнія и очень скроменъ. Нужно быть сумашедшимъ, чтобъ сравнить себя съ Плакидой“.

Антіохъ прервалъ Акакія въ эту минуту, заговорилъ о добродѣтельной супругѣ полководца, и блестящихъ способностяхъ его сыновей.

Преданность старыхъ служителей, воспоминаніе о прошедшемъ счастьи, о женѣ и дѣтяхъ, живо тронули Евстафія. Онъ едва сеержалъ слезы, заблестѣвшія въ его глазахъ. Онъ всталъ и дрожащимъ голосомъ произнесъ:—„Уже стемнѣло, я пойду, принесу свѣтильникъ и посмотрю готовъ ли ужинъ“. Это былъ предлогъ выйти изъ избушки, чтобы дать волю душившимъ его слезамъ.

Когда онъ вышелъ, Антіохъ сказалъ Акакію:—„Не поразило-ли тебя сходство этого крестьянина съ нашимъ бывшимъ господиномъ? Чѣмъ болѣе я на него смотрю, тѣмъ болѣе нахожу, что это его черты и голосъ; все въ немъ напоминаетъ мнѣ Плакиду. Разсмотри его, когда онъ возвратится и ты убѣдишься, что это тотъ, кого мы ищемъ“.—„Не сошелъ-ли ты съ ума? спросилъ Акакій.—Нашъ великій военачальникъ въ услуженіи у крестьянина. Правда, въ чертахъ его есть нѣкоторое благородство и онъ нѣсколько похожъ на Плакиду; но я увѣренъ, что насъ обманываетъ желаніе найти его, а вино крестьянина разгорячило наши головы. Я помню, что въ одномъ сраженіи вражеское копье глубоко поранило Плакиду. Онъ вскорѣ выздоровѣлъ, но шрамъ останется у него на тѣлѣ до смерти; поглядимъ, есть-ли у нашего хозяина на шеѣ слѣдъ этой раны“.

Вскорѣ вернулся Евстафій съ зажженнымъ свѣтильникомъ въ рукахъ. Оба солдата въ одно времк бросили взглядъ на голую шею крестьянина и увидѣвши длинный шрамъ, съ такой внезапностью поднялись изъ-за стола, что ихъ можно

было принять за сумашедшихъ. Они и въ самомъ дѣлѣ не знали что дѣлать. Они плакали душили его въ объятіяхъ, бросаясь ему на грудь; наконецъ упали къ его ногамъ, моля простить имъ этотъ порывъ и ощупывали его, чтобы убѣдиться, что это не бредъ.—„Славный герой, нашъ добрый господинъ, отецъ и благодѣтель, взгляни на своихъ вѣрныхъ слугъ. Но въ какомъ положеніи мы тебя находимъ? Гдѣ супруга твоя, благородная и добродѣтельная Ѳеописта? Что сталось съ твоими сыновьями? Какимъ образомъ ты одинъ, покинутый, очутился въ этой лачугѣ? Неужели отъ прежняго величія тебѣ остался одинъ этотъ шрамъ?“

Благородный и чувствительный Евстафій, видя вѣрность своихъ слугъ, слыша имя своей супруги и дорогихъ дѣтей, не могъ удержать слезъ, которые давно помимо его воли струились по его лицу; волненіе сердца побѣдило его, онъ заплакалъ и сообщилъ имъ въ подробномъ разсказѣ о смерти Ѳеописты и сыновей.

Старые служители съ ужасомъ узнали о несчастной судьбѣ его жены и дѣтей; они такъ живо были тронуты слезами бѣднаго Евстафія, что испускали во время его рѣчи громкіе крики, точно видѣли предъ собою растерзанныхъ звѣрями дѣтей или окровавленный трупъ добродѣтельной матери. Обитатели сосѣдней фермы до которыхъ сперва доходили радостныя восклицанія, были испуганы громкими воплями воиновъ и прибѣжали на холмикъ. Клитъ, жена его и старый Климентъ вошли въ избушку, спрашивая, что здѣсь происходитъ. Но Евстафій успокоилъ ихъ, говоря, что эти воины, его бывшіе товарищи, узнавъ его, выразили свою радость въ бурныхъ восклицаніяхъ; но извѣстіе о смерти его жены и дѣтей было причиною слышанныхъ ими рыданій.

Эта трогательная картина вызвала слезы на глазахъ хозяевъ. Но Акакій, находя, что они обходятся съ полководцемъ, какъ со слугою и видя, что они не знаютъ о высокомъ

положеніи, которое онъ занималъ въ свѣтѣ, тотчасъ сказалъ имъ:—„Вы не знаете, какого человѣка держали въ этой жалкой лачугѣ! Этотъ человѣкъ, который тяжелымъ трудомъ добывалъ себѣ у васъ кусокъ хлѣба, содержалъ и давалъ пропитаніе нѣкогда множеству семействъ; этотъ поденщикъ, который вамъ прислуживаетъ, командовалъ арміями и тысячи героевъ повиновались мановенію его руки. Будьте увѣрены, что ваша жалкая деревушка, ваша Бадисская долина неизвѣстная доселѣ, будетъ надолго прославлена пребываніемъ славнаго полководца Плакиды!"

Каково было изумленіе этихъ добрыхъ крестьянъ, которые при этомъ имени въ смущеніи отступили назадъ!

Удивленные и смущенные крестьяне со вниманіемъ слушали. Старый Климентъ со слезами взялъ руку Евстафія и воскликнулъ:—„Благородный полководецъ, за все время, что ты жилъ съ нами, ты не однимъ словомъ не упомянулъ о своемъ величіи и подвигахъ; уста твои не произнесли ни малѣйшей жалобы на преслѣдователей. Любовь Іисуса Христа поистинѣ живетъ въ твоемъ сердцѣ. Но радуйся ибо за долгія страданія и преслѣдованія, воторыя ты претерпѣлъ, ты получишь на небѣ прекрасное воздаяніе".

(*Окончаніе будетъ*).

Изъ миссіонерской полемики съ сектантами и раскольниками.

Миссіонерская бесѣда со штундистами о крестѣ и о крестномъ знаменіи.

Два года тому назадъ я велъ публичныя бесѣды со штундистами въ селѣ Н. Кіевской губерніи. Въ селѣ этомъ мнѣ пришлось прожитъ недѣли двѣ—третью и четвертую недѣли Великаго поста. Бесѣды велись черезъ день и всѣхъ публичныхъ бесѣдъ предполагалось и было проведено семь. У противосектантскихъ миссіонеровъ, почти у всѣхъ, бесѣды полагаются въ систематическомъ порядкѣ, но какъ штундисты, такъ и православные слушатели вездѣ и всегда на первый планъ ставятъ бесѣду объ иконопочитаніи и о крестѣ, и если миссіонеръ предлагаетъ имъ самимъ избирать темы для бесѣдъ, то они всегда останавливаются на этихъ именно предметахъ. Вотъ почему, когда приходится въ какомъ-либо селѣ, зараженномъ штундизмомъ, провести одну только бесѣду, то и сводишь, по неволѣ, всю рѣчь о православіи нашей Церкви и о ложности сектантства на вопросъ о почитаніи креста и св. иконъ. Въ селѣ Н. дѣло обстояло иначе. Здѣсь я рѣшилъ впервые попробовать цѣликомъ провести всю систему апологетики и полемики съ нашимъ сектантствомъ, а по этой системѣ вопросъ о крестѣ и св. иконахъ рузсматривается въ концѣ. Сперва идутъ обыкновенно вопросы о невозможности спастись внѣ Церкви, т. е. внѣ того общества христіанъ, которое имѣетъ освящающія таинства, которое распространено во всемъ мірѣ и содержитъ вселенское ученіе и которое управляется законной, по преемству отъ Апостоловъ, іерархіей, источникахъ вѣроученія: какъ понимать св. Писаніе и что считать Апостольскимъ преданіемъ; объ освящающихъ таинствахъ: крещеніи, покаяніи, причащеніи и священствѣ; затѣмъ уже идутъ вопросы о внѣшнихъ признакахъ

вѣры, о почитанiи креста и иконъ; о молитвенномъ общенiи со святыми, о поклонахъ, кажденiи фимiамомъ, о свѣтильникахъ и т. д. Такимъ образомъ вся система укладывается въ 7—8 бесѣдъ. Въ селѣ Н. я впервые въ моей практикѣ дѣлалъ пробу всей системы и мнѣ было чрезвычайно интересно знать, насколько удачна для апологетики и полемики съ сектантами вышеуказанная разстановка предметовъ собесѣдованiй. Штундисты въ Н. были давнiе и въ бесѣдахъ съ миссiонерами опытные. Это отчасти затрудняло меня, такъ какъ они уже научились критически относиться къ доводамъ миссiонеровъ; мы уже де все знаемъ, все слышали, часто заявляли они, и мнѣ ничего въ этомъ случаѣ не оставалось дѣлать, какъ говорить: послушайте, молъ, еще и меня, авось будетъ на пользу... Съ другой стороны, съ опытными въ бесѣдахъ штундистами немного приходилось тратить усилiй на то, чтобы привязывать всѣ разсужденiя къ одному, избранному уже предмету рѣчи... Тѣмъ не менѣе и здѣсь выдержать планъ или систему бесѣдъ въ предполагаемомъ порядкѣ не пришлось и вопросъ о св. крестѣ не былъ таки оставленъ на конецъ бесѣдъ.

Первыя три бесѣды прошли и довольно оживленно и довольно удачно, но я видѣлъ, что своей системой я слишкомъ испытываю терпѣнiе и штундистовъ и православныхъ. Уже съ первой бесѣды со стороны штундистовъ послышались сперва деликатныя напоминанiя о 2-й заповѣди, а затѣмъ и прямыя заявленiя о томъ, что ихъ заставляетъ не признавать ни нашей Церкви, ни нашего Преданiя, ни нашихъ таинствъ то, что мы будто кланяемся не Богу, а идоламъ, издѣлiямъ рукъ человѣческихъ, кресту и иконамъ. Вопросъ на почитанiе креста и св. иконъ сводили и православные, когда я, по окончанiи бесѣды и уходѣ изъ школы сектантовъ и большой массы православныхъ слушателей, оставался среди кучки „ревнителей", остыть и „побалакать" попросту

о штундѣ и частностяхъ проведенной бесѣды. Такая настойчивость и „узость“ понятій меня, по новости, сильно угнетали. Я считалъ и считаю бесѣды миссіонеровъ самымъ лучшимъ изъ всѣхъ существующихъ способовъ развитія въ народѣ понятій христіанской вѣры о Церкви, искупленіи, благодати таинствъ и т. п., и съ болью сердца думалъ о томъ, что мнѣ не удается сдѣлать эти предметы вѣры настолько интересными для слушателей, чтобы они довольствовались ученіемъ о существенныхъ предметахъ христіанской вѣры и не искали одни и не ждали другіе такой бесѣды, гдѣ бы полемика была острѣе, гдѣ штундисты имѣли бы больше надежды припереть миссіонера къ стѣнѣ „невозможностью доказать отъ св. Писанія“, а православные „на крестѣ и иконахъ окончательно рѣшить, чья правда и гдѣ: у штундистовъ или у духовенства. Слѣдующая четвертая бесѣда о таинствѣ покаянія приходилась въ воскресенье недѣли крестопоклонной: это обстоятельство въ связи съ настойчивымъ желаніемъ и штундистовъ и православныхъ побесѣдовать о второй заповѣди заставили меня измѣнить моей системѣ и не въ очередь объявить на воскресенье крестопоклонной недѣли бесѣду о почитаніи креста и крестномъ знаменіи. Я видѣлъ какъ обрадовались штундисты при этомъ объявленіи, но когда я присовокупилъ къ нему приглашаніе придти въ школу на бесѣду, они, по обыкновенію, равнодушно отвѣчали: „придемъ, якъ Богъ дастъ“... Православные ревнители прямо просвѣтлѣли отъ радости и на перерывъ стали давать мнѣ совѣты и указанія на счетъ возможныхъ возраженій разныхъ „штундистовъ“...

Боже мой, какъ это недавно еще было! Еще и двухъ лѣтъ не прошло, а ужъ какъ измѣнилось мое душевное настроеніе, моя робость, мой страхъ предъ этими бесѣдами съ мужиками,—полуграмотными начетчиками! До бесѣды бывало остается еще сутки—двое, а ужъ мысль неустанно работаетъ

въ извѣстномъ направленіи и, хотя на минуту, не можешь отрѣшиться отъ предмета предстоящей бесѣды... Батюшка—хозяинъ заводитъ разговоръ объ архіереѣ и консисторіи, матушка—хозяйка о городской жизни и сосѣдкахъ, а ты только и думаешь, какъ бы уйти въ свой уголъ, и ходишь, и лихорадочно, въ сотый разъ, перелистываешь библію въ надеждѣ найти, выловить подходящіе тексты и на нихъ построить чисто библеистическія (именно библеистическія, а не библейскія только) доказательства въ пользу православнаго ученія объ извѣстномъ предметѣ—въ угоду и изъ снисхожденія къ буквоѣдамъ—библеистамъ сектантамъ: „съ подзаконными быхъ, яко подзаконенъ, съ іудеями, яко іудей!...“ И проходитъ день и ночь въ этомъ перелистываніи библіи и въ томительныхъ думахъ: что скажутъ и что сказать совопросникамъ, и одна мысль о томъ, что споткнешься о претыканіе и искушеніе штундистовъ, не отвѣтишь на ихъ вопросы, не удовлетворишь православныхъ и осрамишься заставляетъ усиленно забиться сердце, бросаетъ то въ жаръ, то въ холодъ, а ночью далеко отгоняетъ сонъ или моментально прерываетъ его, когда начинаютъ смыкаться усталыя вѣки... Прошло два года, претыканій и искушеній не меньше: нѣтъ уже той робости и страха предъ бесѣдами: обтерпѣлся, но нѣтъ той радости и того торжества успѣха!...

Назначенная бесѣда началась въ 4 часа. Школа была биткомъ набита народомъ. Штундисты пришли въ полномъ составѣ. Было нѣсколько человѣкъ штундистовъ и православныхъ изъ сосѣднихъ селъ. Пропѣли молитву. Я взялъ благословеніе у священника и вмѣсто обычной рѣчи о важности догмата—предмета бесѣды, прямо приступилъ къ бесѣдѣ. Въ то время, въ началѣ моей миссіонерской дѣятельности я тщательно записывалъ свои бесѣды, записалъ и происшедшую бесѣду о крестѣ. Записками этими я и подѣлюсь съ читателями. Но сперва скажу нѣсколько словъ о главномъ собесѣдникѣ, штундистѣ Архипѣ Б.

Архипъ принялъ штундовое ученіе давно уже, чуть не съ перваго появленія штунды въ селѣ Н. Будучи православнымъ онъ велъ хорошую, трезвую жизнь, былъ хорошимъ хозяиномъ и прилежнымъ къ церкви прихожаниномъ, словомъ, не заключалъ въ себѣ никакихъ свойствъ, которыя среди крестьянъ нынѣ часто реакціонируютъ штундизмомъ. И все-таки, къ удивленію всѣхъ, присталъ къ штундѣ. Выучился грамотѣ, разбогатѣлъ и сталъ во главѣ Н-скихъ штундистовъ. Человѣкъ бойкій на слово, статный на видъ, онъ выдавался среди штундистовъ и на бесѣдахъ какъ то невольно приходилось считаться, главнымъ образомъ, съ его возраженіями. Третья бесѣда проходила уже исключительно съ нимъ однимъ. Онъ же явился главнымъ совопросникомъ и на четвертой бесѣдѣ. Но, обратимся къ моимъ запискамъ.

Не успѣлъ я указать на предметъ предстоящей бесѣды, какъ Архипъ прервалъ меня: „ну, ну, скажите же г. миссіонеръ, гдѣ сказано въ Писаніи, что нужно кланяться кресту креститься рукою“. При этомъ онъ какъ то лукаво улыбнулся и принялъ хотя еще и выжидательное, но уже дышащее увѣренностью въ торжествѣ, положеніе...

Такой вопросъ ниспровергалъ мой планъ бесѣды и я рѣшился не уступать, а слѣдовать заранѣе составленному плану. Пришлось, поэтому, сдѣлать слѣдующую диверсію. „Хорошо. Архипъ, я отвѣчу въ своей бесѣдѣ на вашъ вопросъ, сказалъ я, но прежде уговоримся кое о чемъ. Вы вѣдь знаете, что я въ бесѣдахъ люблю порядокъ. Безъ порядка никакого дѣла нельзя сдѣлать хорошо. И ученый писатель, чтобы написать хорошо книгу, напередъ составляетъ планъ, и ремесленникъ. чтобы сдѣлать хорошо какую нибудь работу, по своему ремеслу, напередъ приготовляетъ также планъ. Также поступать будемъ и мы въ бесѣдѣ о томъ, хорошее ли, богоугодное ли дѣло совершаютъ православные, чествуя крестъ и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ? Напередъ уговоримся

о планѣ бесѣды. Вы, вѣдь, разумный человѣкъ, Архипъ, и знаете, что я это дѣлаю не изъ любопренія, а чтобы избѣжать безполезныхъ споровъ. Согласны?..

Архипъ отодвинулся назадъ и какъ то сконфуженно пробормоталъ: „какъ вамъ будетъ угодно"... Я воспользовался моментомъ и громко произнесъ: „Вы знаете, братіе православные, и вы, уклонившіеся отъ Церкви, что единая святая соборная и апостольская Церковь приняла *древо* или крестъ, на которомъ былъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и хранитъ его для чествованія и поклоненія. Вы знаете также, что въ Церкви Христовой употребляется *изображеніе* этого креста, кресты золотые, серебрянные и деревянные ихъ также мы чествуемъ и поклоняемся. Кромѣ того, мы изображаемъ знакъ креста рукою на своемъ тѣлѣ и на всѣхъ предметахъ, которые насъ касаются... Вы, сектанты, не принимаете древа креста, на которомъ былъ Господь Іисусъ Христосъ, не дѣлаете себѣ крестовъ изъ разнаго вещества, не креститесь рукою? Нѣтъ, скажите"?..

— Нѣтъ, нѣтъ, въ одинъ голосъ закричали сектанты, удивленные такою формулировкою вопроса, которая вызываетъ на чтеніе излюбленныхъ ими мѣстъ св. Писанія. „Прочитайте исходъ, 20 глава"... „Не дѣлайте себѣ кумировъ"... слышалось въ толпѣ штундистовъ...

— Хорошо, прочтемъ, все прочтемъ, успокоивая поднявшійся шумъ, произнесъ я.—И такъ первый вопросъ, рѣшить который намъ предстоитъ таковъ: находятся ли въ св. Писаніи указанія, что христіане *могутъ* принимать для чествованія и поклоненія разнаго рода вещественные знаки и изображенія? Понимаете?

— Понимаемъ, послышалось въ толпѣ штундистовъ.— Нѣтъ, нельзя, проговорилъ Архипъ, опять пододвинувшійся къ столу.

Второй вопросъ, поспѣшилъ я снова овладѣть вниманіемъ слушателей, состоитъ въ слѣдующемъ: почему, на какомъ основаніи христіане православные принимаютъ св. древо креста и дѣлаютъ вещественныя изображенія креста изъ различнаго матеріала? Для насъ крестъ есть *знамя* Церкви Христовой и *печать* христіанина. Вы, сектанты, не считаете крестъ, за вещественное изображеніе креста Христова, знаменемъ Церкви Христовой и печатью христіанина? Нѣтъ?..

— Нѣтъ, хоромъ закричали опять штундисты. „Печать антихриста"! послышался голосъ Ивана К.—недалекаго умомъ, но необычайно дерзкаго штундиста...

— Ахъ ты, штундяра проклятый, послышались изъ среды православныхъ, собака скажена, дурень...

— Тише, братіе, тише, потерпите, возвысилъ и я голосъ. боясь, чтобы начавшаяся перебранка не перешла въ потасовку. Староста бросился въ толпу и сталъ унимать кричавшихъ. „Мы все разберемъ по порядку", говорилъ я. „Не обижайтесь словами сектантовъ! Ихъ вѣра такая: вотъ они и говорятъ по своей вѣрѣ... Значитъ второй вопросъ таковъ: *нужно-ли* Церкви Христовой, народу христіанскому, имѣть вещественное знамя своей вѣры и внѣшнюю печать вѣры и если нужно, то почему такимъ знаменемъ и такою печатью считается крестъ? Понимаете?"

Штундисты, обезкураженные непріятно для нихъ предшествовавшею сценою перебранки, молчали. Я продолжалъ:

— Третій вопросъ, который нужно вамъ рѣшить, состоитъ въ слѣдующемъ: христіане, члены Церкви Христовой, вносятъ кресты въ свои храмы, дома, полагаютъ ихъ на себя и на священныхъ своихъ вещахъ, знаменуютъ крестомъ себя при всѣхъ случаяхъ своей жизни, при вставаніи отъ сна и отходѣ ко сну, передъ ѣдою и послѣ ѣды, передъ началомъ и послѣ окончанія всякаго дѣла. Вы, сектанты, этого не дѣлаете не вносите креста въ свои молитвенныя собранія, по-

вынесли изъ домовъ и сняли съ себя... Вы думаете, что всего этого не нужно? Такъ?..

— Такъ, духовный крестъ нужно носить, сентенціозно произнесъ Архипъ.

— Итакъ слышите, третій вопросъ таковъ: нужно ли христіанину приблизить къ себѣ знакъ или изображеніе креста Христова настолько, чтобы онъ казался неотъемлемою принадлежностью христіанина, внѣшнимъ выраженіемъ внутренней его вѣры? Понимаете-ли? *Нужно-ли* и для чего нужно *вносить кресты* въ храмы и дома, полагать на себя и на всѣхъ тѣхъ предметахъ, которые служатъ намъ въ духовной и даже тѣлесной жизни?

Четвертый вопросъ, братіе мои, состоитъ въ слѣдующемъ: христіане считаютъ крестъ не простымъ знаменемъ или простою печатью, подобно другимъ знаменамъ или печатямъ, а *святынею*, достойною почитанія и поклоненія. Вы, конечно, не считаете крестъ святымъ, не кланяетесь ему и не почитаете его?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Архипъ. Богу нужно кланяться, и крестъ—что!?..

— И такъ, вопросъ ясенъ, прервалъ я его;—*справедливо-ли* почитать крестъ—*предметомъ святымъ*, достойнымъ почитанія и поклоненія?.. Вотъ четыре вопроса братіе, на которые нужно дать отвѣтъ изъ св. Писанія. Въ этихъ вопросахъ заключаются всѣ недоумѣнія уклонившихся отъ Церкви относительно креста и крестнаго знаменія. Если вы, братцы, захотите поставить еще другіе вопросы, то сдѣлайте это въ концѣ: такъ нужно для порядка. Начнемъ же, съ Божіею помощью, разбирать поставленные вопросы. Прошу васъ спрашивать и отвѣчать кратко. Не бойтесь высказывать все, что у васъ на умѣ и въ сердцѣ, но не затягивайте рѣчь. Имѣйте уваженіе къ тому дѣлу Божію, которое мы будемъ творить и

дорожите временемъ. Помните, что со всѣхъ сторонъ сошлись сюда люди, чтобы получить назиданіе...

— Хорошо назиданіе, прервалъ рѣчь мою одинъ изъ штундистовъ, человѣка собакой зовутъ... Его успокоили сами штундисты и я продолжалъ:

— Не будемъ же спорить! Итакъ, первый вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: христіане православные вѣруютъ въ единаго истиннаго Бога и кланяются единому истинному Богу, но въ тоже время принимаютъ древо крестное и различныя вещественныя изображенія креста для почитанія и поклоненія. Можно-ли такъ дѣлать? Ну, теперь высказывайтесь...

Архипъ пріосанился и медленнымъ торжественнымъ голосомъ, глубоко вздохнувъ, началъ свои возраженія: „Въ писаніи сказано: не дѣлай себѣ кумира и никакого изображенія, не поклоняйся и не служи имъ. Исходъ 20-я глава... И еще сказано: золото и серебро дѣло рукъ человѣческихъ... Кому уподобите вы Бога?.. Сіе рукотворенное проклято... Прочитайте писанія!...“

Архипъ замолчалъ.—„Видите-ли, Архипъ, отвѣчалъ я, вы прочли нѣсколько текстовъ изъ разныхъ мѣстъ св. Писанія: изъ Исхода, прор. Исаіи, премудрости Соломона, такъ“?

— Да, и еще можно найти... Пророкъ Исаія говоритъ: не обманъ ли въ правой рукѣ моей?.. А пророкъ Іеремія говоритъ: они говорятъ: ты богъ мой, спаси меня! и апостолъ Павелъ... Нельзя поклоняться издѣліямъ рукъ человѣческихъ...

Архипъ началъ волноваться, подошелъ вплотную къ столу и хотѣлъ взять библію, чтобы начать вычитывать столь излюбленные штундистами тексты противъ идолопоклонства. Это могло занять слишкомъ много времени безъ пользы и я рѣшилъ остановить Архипа, задержавъ его попытку взять библію...

— Итакъ, изъ отвѣта Архипа вы видите братіе, сказалъ я, что въ св. Писаніи есть много словъ, которыми запре-

щается поклоняться идоламъ. Кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя указалъ Архипъ, есть еще цѣлые десятки, но читать ихъ нѣтъ нужды. Скажите Архипъ не знаете-ли вы такой заповѣди, которая яснѣе и опредѣленнѣе другихъ словъ Писанія запрещала бы дѣлать различныя изображенія для почитанія?..

— Мы уже вамъ говорили сколько разъ, почти обиженно отвѣчалъ Архипъ, а вы все уклоняетесь и не отвѣчаете... Вторая заповѣдь запрещаетъ крестъ и иконы.—„Не дѣлай себѣ кумира"... началось громкое, наперерывъ другъ передъ другомъ, чтеніе второй заповѣди въ толпѣ штундистовъ.

Я подождалъ пока шумъ немного утихъ и самъ собрался съ силами, мысленно повторяя тотъ пріемъ, который я напередъ приготовилъ и который, я надѣялся, долженъ разрушить то обаяніе несокрушимаго претыканія для миссіонеровъ, которое имѣетъ въ представленіи штундистовъ вторая заповѣдь. „Прочтемъ же по Библіи, сказалъ я, эту заповѣдь Закона, Я раскрылъ Исхода 20-ю главу и громко прочелъ: „*Не дѣлай себѣ кумира и никакого изображенія того, что на небѣ вверху, и что на землѣ внизу, и что въ водѣ ниже земли. Не поклоняйся имъ и не служи имъ. ибо Я—Господь Богъ твой*". Вотъ вторая заповѣдь Закона, не думайте, что вы ее открыли, а мы не знали. Ее знаетъ весь міръ христіанскій, а у насъ, у православныхъ, эту заповѣдь изучаютъ маленькія дѣти вмѣстѣ съ молитвами. Безъ знанія заповѣдей у насъ никто не считается православнымъ христіаниномъ. Хорошій священникъ не повѣнчаетъ молодыхъ, если они не знаютъ заповѣдей...

— Э, господинъ миссіонеръ, прервалъ меня одинъ молодой штундистъ, у нашего батюшки заповѣди—три дня работы...—„Нѣтъ, перебили его православные ревнители, теперь этого нѣтъ. Работаютъ, кто по охотѣ. Это оповѣщаніе въ церкви"... Я увидѣлъ, что затронулъ щекотливый для прихода вопросъ и прекратилъ начавшееся было пререканіе.—„Я

не архіерей и не благочинный, чтобы разбирать, что у васъ въ приходѣ дѣлается"...—«То то и дѣло!" качали головами штундисты.—„Я пріѣхалъ поговорить не о томъ, что у васъ дѣлается, а о томъ, какъ должно быть по закону христіанскому, по ученію Церкви Христовой. А Церковь Христова приняла всѣ заповѣди и требуетъ, чтобы христіане исполняли ихъ. Вы думаете, что вторая заповѣдь запрещаетъ дѣлать различныя изображенія для поклоненія, а Церковь допустила крестъ и иконы. Какъ же это такъ случилось? Кумировъ и идоловъ разныхъ она запрещаетъ. Въ церкви нѣтъ ни Ваала, ни Астарты, ни Дагона, Молоха и др. извѣстныхъ идоловъ и кумировъ, но св. крестъ и св. иконы существуютъ и Церковь требуетъ почитать ихъ и поклонятьcя имъ. Церковь не можетъ погрѣшать или заблуждаться, ибо она по словамъ апостола Павла, есть *столпъ и утвержденіе истины* (Тим. 3, 15). Очевидно, вы неправильно понимаете вторую заповѣдь, когда думаете, что она запрещаетъ принимать, дѣлать и почитать крестъ и иконы. Скажите, Архипъ, какъ вы понимаете слова заповѣди: „*не дѣлай никакого изображенія*"—такъ таки: никакого, рѣшительно изображенія?

— Что тутъ понимать? Сказано никакого, то и никакого...

— Ну хорошо, а вотъ еще скажите. вы четвертую заповѣдь принимаете, повелѣніе о праздничномъ отдыхѣ принимаете?

— Какже, принимаемъ; помни день субботній...

— Ну вотъ, въ этой заповѣди дословно говорится, *не дѣлай въ оный день никакого дѣла ни ты, ни сынъ твой, ни дочь твоя, ни рабъ твой, ни рабыня твоя*... Скажи, Архипъ, что, въ субботу или, для христіанъ, въ воскресенье *никакого дѣла* нельзя дѣлать, какъ читается въ заповѣди?

— Конечно никакого... Впрочемъ, спохватился Архипъ, молиться нужно, это день для молитвы...

— А кромѣ молитвы никакого дѣла нельзя дѣлать?

— Добрыя дѣла, отчего-же?

— Но откуда вы знаете, что добрыя дѣла не только можно, но и должно дѣлать?

— Это Христосъ повелѣлъ...

— Вотъ видите, братіе, въ заповѣди сказано: не дѣлай *никакого дѣла* въ субботу, а Господь велитъ *дѣлать* добрыя дѣла. Значитъ слово: „никакого дѣла" нужно понимать такъ: не дѣлай никакого дѣла, которое не служитъ ни Богу, ни ближнимъ. Евреи же понимали, да и теперь понимаютъ, что эта заповѣдь запрещаетъ дѣлать всякое дѣло. Господь Іисусъ Христосъ объяснилъ, что такъ понимать нельзя. Евреи останавливались на буквѣ Писанія и не вникали въ духъ и смыслъ его, а буква, по слову апостола, *убиваетъ, духъ животворитъ* (2 Кор. 3, 6). Фарисеи остановились на буквѣ заповѣди и считая за грѣхъ всякое дѣло въ субботу, осуждали Господа Іисуса Христа за то, что Онъ будто бы нарушаетъ заповѣдь о субботѣ. Фарисеи неправильно понимали заповѣдь о субботѣ и Господь, какъ бы въ отвѣтъ на осужденія, указалъ имъ на это. Вотъ прочтемъ-ка по евангелію отъ Луки, какъ понимали евреи заповѣдь и какъ повелѣлъ понимать ее Господь. (Читаю) „*Случилось Ему въ субботу придти въ домъ одного изъ начальниковъ фарисейскихъ, и они наблюдали за Нимъ; и вотъ предсталъ предъ Него человѣкъ, страдающій водяною болѣзнью. По сему случаю Іисусъ спросилъ законниковъ и фарисеевъ: позволительно-ли врачевать въ субботу? Они молчали. И прикоснувшись исцѣлилъ его и отпустилъ. При семъ сказалъ имъ: если у кого изъ васъ оселъ или волъ упадетъ въ колодезъ: не тотчасъ-ли вытащитъ его и въ субботу?* (гл. 14)". Итакъ, изъ этого мѣста Евангелія ясно видно, что нельзя четвертую заповѣдь понимать такъ, что совершенно никакого дѣла въ субботу нельзя дѣлать. Дѣла, ведущія къ Богу и славѣ Его, дѣла неотложныя для пользы

ближнихъ, какъ напр. врачевство недуговъ, даже дѣла житейскія неотложныя въ хозяйствѣ своемъ можно дѣлать и въ субботу. Кромѣ буквы заповѣди данъ намъ ясный смыслъ разума и мы, какъ заповѣдуетъ Господь чрезъ Моисея въ книгѣ Левита (10, 10) и чрезъ прор. Iезекiиля (44, 23), должны ясно различать умомъ *святое* отъ *несвятого,* чистое отъ нечистаго, *священное* отъ *несвященнаго*...

— Позвольте, перебилъ рѣчь Архипъ, это о священникахъ говорится, чтобы они не упивались виномъ...

— Вѣрно, вѣрно, не упивались виномъ, чтобы не помрачать своего разсудка и не потерять различiя между священнымъ и не священнымъ. Можно помрачить разсудокъ не однимъ виномъ или водкой. Читали ли вы въ Писанiи страшное слово Божiе—напою ихъ виномъ ярости?.. Гнѣвъ, злоба, ненависть хуже вина помрачаетъ разсудокъ. Фарисеи не упивались виномъ, но не только не понимали четвертой заповѣди о субботѣ, но и распяли Того, кто былъ Господиномъ субботы: такъ помраченъ былъ ихъ разсудокъ. Это къ слову. Изъ сказаннаго, братiе мои, вы должны понять, что слово „никакой" не всегда въ Писанiи обозначаетъ полное, совершенное отрицанiе. Какъ въ четвертой заповѣди слова: „не дѣлай никакого дѣла» нельзя понимать такъ, что запрещается всякое рѣшительно дѣло, такъ и во второй заповѣди слова: „не дѣлай никакого изображенiя" нельзя понимать такъ, что запрещается всякое рѣшительно изображенiе для поклоненiя. Идолопоклонническихъ кумировъ, идоловъ и т. п. ложныхъ изображенiй нельзя дѣлать, а изображенiя предметовъ божественныхъ и истинныхъ можно дѣлать. Какъ въ четвертой заповѣди, такъ и здѣсь нужно различать непомраченнымъ разсудкомъ священное отъ несвященнаго, доброе отъ худого, истинное отъ ложнаго...

— Позвольте уже прямо закричалъ Архипъ,—вы превращаете Писанiе. О субботѣ Христосъ объяснилъ, а объ

изображеніяхъ вы объясняете... Вы не имѣете права превращать такъ Слова Божія... Мы вамъ этого не позволимъ...— Архипъ, вѣроятно, говорилъ бы еще многое въ этомъ родѣ, но его остановили сами штундисты. Новый миссіонерскій полемическій пріемъ, еще неизвѣстный имъ, ихъ очевидно заинтересовалъ. Я видѣлъ, что и православные ревнители и вся масса слушателей внимательно слѣдятъ за теченіемъ мысли и какъ будто уразумѣваютъ истинный смыслъ столь соблазнившей ихъ заповѣди. Ахъ, еще одинъ доводъ, думалъ я, и я выйду побѣдителемъ. Когда Архипъ успокоился, я замѣтилъ ему:

— Нѣтъ, голубчикъ Архипъ, вы на меня взводите напраслину. Я не превращаю Писанія. Я даже не отъ себя объясняю, не отъ себя указываю вамъ истинный смыслъ второй заповѣди. Если бы внимательно читали и принимали все Слово Божіе, то вы бы увидѣли, что оно само, или лучше самъ Богъ объясняетъ, какъ нужно понимать вторую заповѣдь, можно ли дѣлать священныя изображенія или нѣтъ, совершенно ли никакого изображенія нельзя дѣлать, или нѣкоторыя изображенія можно дѣлать?... Скажите, Архипъ, кто далъ вторую заповѣдь и кому она дана?

— Богъ далъ Моисею... Что вы, г. миссіонеръ, насъ считаете за малыхъ дѣтей и смѣетесь надъ нами,—вдругъ выпалилъ Архипъ.—Мы лучше васъ знаемъ Библію, что вы насъ спрашиваете...

— Лучше, не лучше, это другой вопросъ, да и не намъ судить о немъ... Спросилъ же я о томъ, кто и кому далъ вторую заповѣдь, для того, чтобы показать, что давшій ее Моисею Самъ Богъ тому же Моисею повелѣлъ дѣлать священныя изображенія. И Моисей, принявшій вторую заповѣдь, по повелѣнію Божію, дѣйствительно дѣлалъ священныя изображенія. Мы не будемъ говорить сегодня о всѣхъ тѣхъ священныхъ изображеніяхъ, которыя сдѣлалъ Моисей. Скажемъ—

лишь о томъ изображеніи, которое имѣетъ отношеніе ко кресту. Вотъ въ книгѣ Числъ, во главѣ 21-й говорится: (Читаю) „*Послалъ Господь на народъ ядовитыхъ змѣевъ, которые жалили народъ и умерло множество народа изъ сынов Израилевыхъ. И пришелъ народъ къ Моисею и сказалъ: согрѣшили мы, что говорили противъ Господа и противъ тебя; помолись Господу, чтобы Онъ удалилъ отъ насъ змѣевъ. И помолился Моисей Господу о народѣ. И сказалъ Господь Моисею, сдѣлай себѣ мѣднаго змѣя и выставь его на знамя, и если ужалитъ змѣй какодо-либо человѣка, ужаленный взглянувъ на него, останется живъ. И сдѣлалъ Моисей мѣднаго змѣя, и выставилъ его на знамя и когда змій ужалилъ человѣка, онъ, взглянувъ на мѣднаго змѣя, оставался живъ*“... Видите братіе Богъ во второй заповѣди повелѣваетъ не дѣлать никакого изображенія того что на небѣ или на землѣ, а здѣсь повелѣваетъ *сдѣлать* мѣдное изображеніе змѣя для спасенія. Что же это значитъ? Богъ измѣнилъ вторую заповѣдь? Нѣтъ, у Бога нѣтъ, по Апостолу, и тѣни перемѣны или измѣненія (Іак. 1, 17). Богъ своимъ повелѣніемъ о мѣдномъ змѣѣ ясно показалъ, что вторая заповѣдь не заключаетъ въ себѣ запрещенія всѣхъ рѣшительно изображеній и что кто понимаетъ заповѣдь такъ, что нельзя дѣлать никакихъ изображеній, даже священныхъ, тотъ понимаетъ заповѣдь неправильно, понимаетъ не такъ, какъ учитъ Писаніе...

Штундисты, какъ я видѣлъ по ихъ физіономіямъ, были озадачены такимъ оборотомъ дѣла не въ ихъ пользу отъ разбора второй заповѣди. Конечно, они прекрасно знали исторію мѣднаго змѣя, но сопоставленіе повелѣнія о немъ со второю заповѣдью, а главное, выводъ изъ этого сопоставленія, были для нихъ неожиданны... Впрочемъ, они скоро нашлись. Я еще не успѣлъ окончить своего объясненія, какъ одинъ изъ штундистовъ громко перебилъ меня: „Змѣю не нужно было кланяться... Царь Езекія на вѣки истребилъ мѣднаго змѣя“...

— Подожди,—остановилъ я совопросника:—я еще не кончилъ. Къ мѣдному изображенію змѣя можно было относиться правильно и неправильно. Тѣ израильтяне при Моисеѣ, которые глядѣли на мѣднаго змѣя съ вѣрою въ Бога, относились правильно... Правильно относился къ мѣдному змѣю и царь Соломонъ, который въ книгѣ Премудрости такъ говоритъ о немъ: (читаю) Когда израильтянъ постигла ужасная ярость звѣрей и они были истребляемы угрызеніемъ коварныхъ зміевъ, гнѣвъ Твой не продолжился до конца. Но они были смущены на краткое время для вразумленія, *получивши знаменіе спасенія* на воспоминаніе о заповѣди закона Твоего, ибо обращавшійся исцѣлялся не тѣмъ, на что взиралъ, но Тобою, Спасителемъ всѣхъ. И этимъ Ты показалъ врагамъ нашимъ, что Ты избавляющій отъ всякаго зла (16, 5—8)". Видите ли, братіе, какъ нужно относиться къ священнымъ изображеніямъ? Взирая на нихъ нужно помнить о Богѣ Спасителѣ, но объ этомъ послѣ. Итакъ, одни израильтяне относились къ мѣдному изображенію змѣя правильно; другіе же неправильно: стали принимать это изображеніе за идола, за одного изъ кумировъ, Нехуштана. Забыли Спасителя всѣхъ Бога и приняли изображеніе змѣя за какого-то чародѣйственного бога, стали покланяться ему какъ богу, кадить какъ богу. Явился грѣхъ идолопоклонства. Вотъ почему царь Езекія истребилъ этого змѣя, чтобы израильтяне не продолжали грѣха, не покланялись ему и не кадили...

— А отчего вы не истребляете кресты и иконы, когда народъ покланяется имъ? Священники ваши кадятъ и народъ почитаетъ за боговъ. А мы не почитаемъ и отвергли! возразилъ Архипъ.

— Врядъ-ли, Архипъ, вы найдете среди взрослыхъ и разумныхъ православныхъ, кто бы принималъ крестъ и иконы за боговъ. Дѣти маленькія и люди слабоумные, можетъ быть, и неразумно почитаютъ священныя изображенія, но съ нихъ

и спроса нѣтъ. А если бы нашлись такіе люди, которые бы оставили Бога и святыхъ его и стали считать за боговъ крестъ и иконы, то нашъ Царь и наши архіереи, Св. Синодъ, воспретили бы это, отняли бы у такихъ людей предметы соблазна. Вы же знаете, можетъ быть, что отнимаютъ у людей иконы, когда они съ корыстными побужденіями, для обмана, выдаютъ ихъ за чудотворныя. Или слышали вы, можетъ быть, что въ Литовщинѣ уничтожено было очень много крестовъ, которые поставили поляки при дорогахъ. Кресты ставятся, чтобы напоминать проходящимъ и проѣзжающимъ о распятомъ на крестѣ Господѣ, а взбунтовавшіеся противъ русскаго Царя поляки сталъ устваивать у этихъ крестовъ, особенно подъ лѣсомъ или въ глубокихъ долинахъ, сходки и засады на русскія войска...

— Это вы правильно, ваше высокоблагородіе вмѣшался старый отставной солдатъ, я служилъ тогда въ Виленской губ. Много пало нашихъ у этихъ самыхъ „кшижей“. Только увидишь, бывало, на дорогѣ кшижъ, такъ и жди выстрѣла... Эхъ!... Старый солдатъ махнулъ рукой, но потомъ пріосанился и при смѣхѣ толпы оживленно проговорилъ: „ну да и мы не давали имъ спуску“...

— Вотъ видите-ли, братцы, прервалъ я воспоминанія такого неожиданнаго союзника, для чего могутъ употребляться кресты: не для воспоминанія Господа, а для убійства. Церковь не можетъ потерпѣть это и, какъ древній царь Езекія, издаетъ повелѣніе уничтожить такіе кресты. Итакъ, устроеніе Моисеемъ изображенія змѣя показываетъ намъ, братіе, что священныя изображенія можно дѣлать. А что мѣдный змѣй былъ не простымъ, а именно священнымъ изображеніемъ, это видно изъ того, что Самъ Господь нашъ Іисусь Христосъ смотрѣлъ на мѣдное изображеніе змѣя, какъ на прообразъ Своего распятія на крестѣ. Вотъ какъ говоритъ Онъ объ этомъ (въ Евангеліи отъ Іоанна): „*какъ Моисей вознесъ*

змію въ пустынѣ, такъ должно вознесену быть Сыну Человѣческому, дабы всякій вѣрующій въ него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную (3, 14—15)". „*И когда вознесенъ я буду отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ. Сіе говорилъ Онъ, давая разумѣть какою смертью Онъ умретъ* (12, 32—33)". Какъ изображеніе змѣя спасало отъ погибели взирающихъ на него съ вѣрою въ Бога, такъ и вознесенный на крестѣ Сынъ Божій спасаетъ отъ вѣчной смерти и даетъ жизнь вѣчную взирающимъ на крестъ съ вѣрою на него. Понятно, что это изображеніе змѣя было у евреевъ священнымъ изображеніемъ, хотя почитаніе и поклоненіе ему и дошло у нихъ до неразумія, такъ что они забывъ Бога истиннаго, почли это изображеніе за одного изъ боговъ—Нехуштана... Понятно-ли вамъ теперь, братіе, что вторая заповѣдь *не воспрещаетъ* дѣлать священныя изображенія? Не воспретила же она Моисею сдѣлать священное изображеніе змѣя?!... Нельзя по этой заповѣди дѣлать языческія, идольскія изображенія, а изображенія христіанскія, какъ въ древности іудейскія, можно дѣлать. Хорошо открывается смыслъ этой заповѣди изъ чтенія ея на славянскомъ языкѣ. По славянски такъ говорится: не сотвори себѣ кумира *и всякаго* подобія, т. е. не дѣлай себѣ всякаго подобія, подобія безъ разбору, подобія, какое пожелаешь, подобно тому какъ выраженіе: „*со всякимъ* не води компанію" не значитъ, что нельзя вести компанію ни *съ однимъ изъ людей*, а только съ людьми безъ разбору...

— Мы уже вамъ говорили не разъ, г. миссіонеръ, прервалъ меня Архипъ, что мы не принимаемъ славянскаго языка. Онъ намъ ненадобенъ.

— Напрасно, Архипъ, возразилъ я. Вотъ изъ чтенія второй заповѣди на славянскомъ языкѣ вы еще разъ видите, какъ важно знать разные языки, чтобы правильно уяснять себѣ смыслъ Писаній. Если бы вы знали древнееврейскій языкъ, на которомъ написаны впервые были заповѣди, или

греческій, на который они впервые были переведены, то было бы еще лучше. Славянскій языкъ также нужно знать. На славянскомъ языкѣ раньше появилось Слово Божіе, чѣмъ на русскомъ и на славянскомъ языкѣ опо читалось и читается уже тысячу лѣтъ въ цѣлой половинѣ христіанскаго міра... Но не о томъ рѣчь. Еще разъ я васъ спрашиваю, братіе, поняли-ли вы, что вторая заповѣдь запрещаетъ дѣлать кумиры или идолы языческіе, а не священныя изображенія?

— Поняли, благодаримъ, хоромъ отвѣчали стоявшіе близъ меня ревнители. Штундисты молчали. Я продолжалъ:

Итакъ, братіе мои, священныя изображенія *можно сдѣлать*. Можно принимать п всѣ вещи, имѣющія священное значеніе. Моисей и народъ еврейскій приняли каменныя скрижали завѣта, ковчегъ съ манною, жезлъ Аарона, мечъ Голіафа, которымъ Давидъ избавилъ народъ отъ филистимлянъ и т. п. Народъ христіанскій или святая Церковь принимаетъ и благоговѣйно чтитъ всѣ вещи, которыя послужили дѣлу нашего спасенія, принадлежали Господу Іисусу Христу и святымъ Его: крестъ, терновый вѣнецъ Его, гвозди, нешвенный хитонъ, ризу Богоматери, оставшіяся тѣлеса или святыя мощи Іоанна Предтечи, Апостоловъ, мучениковъ и всѣхъ святыхъ, такъ какъ все это сохраняется на память о Богѣ и святыхъ Его, а чрезъ это приближаетъ насъ къ нимъ. Но между всѣми вещами величайшею священною вещью считается святое древо креста, и не потому только, что крестъ сохраняется въ памятъ о распятіи на Немъ, Господа нашего Іисуса Христа. Святая Церковь принимаетъ святое древо креста и дѣлаетъ вещественныя изображенія креста потому, что крестъ есть внѣшнее выраженіе всей нашей вѣры христіанской. Крестъ Христовъ есть *знамя* народа христіанскаго, знамя Церкви Христовой и *печать* всякаго христіанина. У всѣхъ народовъ. различныхъ государствъ, обществъ, воинскихъ полковъ и т, п. союзовъ людей есть свои знамена. Въ государствѣ россій-

скомъ такимъ знаменемъ служитъ флагъ синяго, краснаго и бѣлаго цвѣта, въ государствѣ французскомъ—флагъ съ другимъ порядкомъ цвѣтовъ, въ американскомъ государствѣ—флагъ голубой съ звѣздами. Эти флаги обозначаютъ собою государство: посмотришь на флагъ и знаешь, какое государство онъ собою представляетъ. Въ каждомъ государствѣ много военныхъ полковъ и много различныхъ обществъ и каждое изъ нихъ имѣетъ свое знамя, такъ что знающій человѣкъ по знамени отличитъ полкъ. Кромѣ знамени у каждаго государства и каждаго общества, въ каждомъ государственномъ учрежденіи и у каждаго государственнаго человѣка и даже у многихъ частныхъ людей есть печать, которая является на бумагахъ ихъ свидѣтельствомъ для другихъ. Для чего служатъ знамена и печати? Для внѣшняго выраженія или обвзначенія того, кому они принадлежатъ. Существуетъ государство, полкъ, общество, учрежденіе, должностное лицо—существуютъ и ихъ знамена и печати. Прекращаютъ они свою жизнь и цѣятельность, теряется значеніе и ихъ знаменъ и печатей. На далекомъ разстояніи, въ концѣ свѣта, ваше знамя и ваша печать будетъ замѣнять васъ, ваше государство и вашу личность. Оскорбятъ ваше знамя, разорвутъ вашу печать—это все равно оскорбятъ ваше государство, посчитаютъ за ничто вашу личность, ваше свидѣтельство, и наоборотъ, захотятъ почтить васъ, будутъ выставлять и украшать ваше знамя... Таково внѣшнее значеніе знамени и печать на землѣ для государствъ и всѣхъ различныхъ обществъ и отдѣльныхъ людей. Церковь Христова—тоже общество, разсѣянное по всей землѣ, но соединяемое одною вѣрою въ Господа Іисуса Христа: долженъ-ли существовать *внѣшній знакъ* этого соединенія, этой вѣры въ Господа, должно-ли въ Церкви Христовой быть знамя Ея? Вѣра Христова есть непремѣнная принадлежность христіанина: долженъ-ли христіанинъ утверждать и свидѣтельствовать эту вѣру внѣшнимъ

знакомъ, или *внѣшнею печатью*? Вотъ объ этомъ и побесѣдуемъ братіе! Скажите, Архипъ, нужно-ли христіанамъ внѣшній знакъ, знамя, печать ихъ вѣры? *С. Потѣхинъ.*

(„Миссіонерс. Обозрѣніе". Февр. 1900 г.).

(Окончаніе будетъ).

Извѣстія и замѣтки.

Желательное измѣненіе.

Всякому извѣстна матеріальная необезпеченность православнаго духовенства, въ особенности въ бѣдныхъ, да къ этому еще и зараженныхъ сектантствомъ приходахъ, но не всякій знаетъ, а можетъ быть большинство и не допускаетъ того, чтобы у священника не было нѣсколькихъ копѣекъ на ежедневные мелочные домашніе расходы, такъ какъ естественно предполагать, что каковъ бы то ни былъ приходъ, онъ долженъ дать столько дохода, чтобы хватило по крайней мѣрѣ на домашнія надобности. А между тѣмъ, это горькая правда, съ которою приходится считаться. Такъ нужно знать и самому испытать положеніе священника, когда онъ выноситъ отъ богослуженія въ воскресный день пятачекъ (вѣдь и это бываетъ) и нужно прожить на такой доходъ цѣлыхъ семь дней, а бываетъ, что и другихъ требъ никакихъ нѣтъ, да и что получается отъ этого, если не желаешь быть въ обостренныхъ отношеніяхъ съ прихожанами. Конечно, говоря это, я не хочу сказать того, чтобы во всѣхъ приходахъ такъ низко стояли доходы, и теперь еще есть такіе приходы, въ которыхъ возможно, если не откладывать про черный день, то по крайней мѣрѣ безбѣдно существовать, чего всякій вправѣ ожидать. А какъ же и на что долженъ жить тотъ священникъ, которому приходъ даетъ только хлѣбъ (для этого есть

церковная земля) и безплатную квартиру? Да, какъ и на что живутъ всѣ служащіе? При такомъ положеніи многихъ собратовъ, единственнымъ источникомъ существованія является то скромное жалованье, которое мы получаемъ. Но тутъ опять является громадное препятствіе. Жалованье то мы получаемъ въ шесть мѣсяцевъ разъ и слѣдовательно приходится на шесть мѣсяцевъ дѣлать расчисленіе расходовъ, что гораздо труднѣе сдѣлать, чѣмъ тогда, когда жалованье получается ежемѣсячно. Да еще получаемъ ли мы свое жалованье сами? Помнится было распоряженіе епархіальнаго начальства о томъ, чтобы члены причта не давали довѣренностей на полученіе жалованья лицамъ іудейскаго вѣроисповѣданія; а о чемъ это говоритъ? кажется ясно и не требуетъ комментарій, а если подобные случаи бывали, да и теперь бываютъ, то это опять таки говоритъ о томъ, что безъ чаю, сахару и другихъ мелочей, священникъ не можетъ обойтись, а платить всякій разъ, хотя бы и не большія суммы не имѣетъ возможности. Не лучше ли было бы посему получать жалованье ежемѣсячно и сообразно получаемому жалованью производить расходы. Вѣдь много есть чиновниковъ, получающихъ въ мѣсяцъ 40—50 руб. и ничего больше, но ежемѣсячно, и какъ-то живущихъ; такъ точно и духовенство могло бы прожить. имѣя безплатную квартиру и кусокъ хлѣба и такимъ образомъ избавиться отъ дорого оплачиваемыхъ услугъ Ицекъ и Лейбъ. Давно пора бы измѣнить вѣками освященный, но уже дѣйствительно устарѣлый, порядокъ полученія жалованья и разрѣшить по нуждѣ желающимъ получать жалованье ежемѣсячно. Прошло то доброе старое время, когда отцы наши, получивъ жалованье, если не все цѣликомъ, то еще съ присовокупленіемъ сбереженій отъ доходовъ изъ прихода, отсылали на храненіе въ банкъ. Могутъ возразить, что въ такомъ случаѣ, т. е. когда одни причты будутъ получать жалованье ежемѣсячно, а другіе нѣтъ, произойдутъ недоразумѣні

и путаницы. Напрасно такое предположеніе и легко устранимое. Если бы даже это могло быть, то всякій, желающій получить жалованье долженъ представить свою довѣренность мѣстному благочинному для посвидѣтельствованія въ томъ, что ему дѣйствительно слѣдуетъ жалованье за извѣстный мѣсяцъ, да и въ казначействѣ могутъ дѣлать отмѣтки всякій разъ получающимъ жалованье ежемѣсячно, подобно тому, какъ это дѣлается относительно всѣхъ чиновниковъ.

Желательно было бы, чтобы затронутый вопросъ былъ разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ.

Забытая могила.

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ отошелъ въ вѣчность одинъ изъ благороднѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ педагоговъ Кіевской духовной семинаріи, посвятившій ей болѣе 10 лѣтъ жизни и труда, преподаватель Петръ Алексѣевичъ Молчановъ. Пишущему эти строки, незадолго до его смерти поступившему на службу въ Кіевскую семинарію, пришлось быть свидѣтелемъ выраженія самыхъ теплыхъ чувствъ къ Петру Алексѣевичу, какъ со стороны сослуживцевъ, такъ и со стороны искренно любившихъ его питомцевъ, семинаріи— сначала у одра его болѣзни, а затѣмъ у его гроба. Петръ Алексѣевичъ, не имѣвшій своей семьи, жилъ одинокимъ, одинокимъ болѣлъ, одинокимъ и умеръ, а послѣ его смерти одинокой осталась и его могила на Щекавикскомъ кладбищѣ, всѣми забытая, всѣми заброшенная и теперь едва замѣтная среди множества чужихъ для него могилъ. На первыхъ порахъ послѣ его смерти любовь къ покойному породила было доброе намѣреніе среди его сослуживцевъ и знакомыхъ поставить памятникъ на его могилѣ, но на первыхъ порахъ это намѣреніе не успѣло осуществиться, а затѣмъ время изгладило его изъ памяти и сердецъ ихъ такъ же, какъ оно те-

перь изглаживаетъ съ лица земли и самую могилу покойнаго. Такъ могила добраго человѣка—христіанина и остается безъ креста. Какъ тяжела для одинокаго труженика—учителя мысль о такомъ забвеніи!.. Добрые сослуживцы, добрые питомцы и всѣ добрые люди, знавшіе и помнящіе благороднаго, сердечнаго нашего Петра Алексѣевича! снимите эту тяжесть забвенія съ его могилы и влейте святое чувство отрады въ сердца такихъ-же тружениковъ, какимъ былъ покойный, могилы которыхъ можетъ постигнуть такая же участь. Самое малое пожертвованіе со стороны каждаго изъ васъ, и доброе, святое дѣло будетъ сдѣлано: могила христіанина-труженника, отдавшаго себя на служеніе православной духовной семинаріи, будетъ освящена сооруженіемъ на ней св. креста.

Желающіе отозваться на сей призывъ могутъ адресоваться въ редакцію „Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостей", Биб. Бульваръ, № 19, 3, или же въ Правленіе Кіевской духовной семинаріи.

ДЛЯ ЧТЕНІЙ О СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ

Императорскимъ Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ

изданы слѣдующія брошюры подъ общимъ заглавіемъ:

Чтенія о Святой Землѣ:

I. *Священная географія. 1-й вып.* Общее понятіе о Св. Землѣ; 2-й и 3 й вып. Горы Св. Земли; 4-й вып. Равнины Св. Земли; 5 й вып. Долины и пустыни Св. Земли; 6-й вып. Озера Св. Земли; 7-й вып. Рѣки и ручьи Св. Земли и 8-й вып. Источники и пруды Св. Земли,—Протоіерея Н. А. Елеонскаго (Чтенія эти представляютъ собою вполнѣ законченное географическое описаніе Св. Земли, въ связи съ событіями изъ Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, а также даютъ вѣрное понятіе о современномъ состояніи мѣстностей, гдѣ таковыя событія происходили).

II. *Священная исторія на Св. Землѣ 9—30 вып.* Ветхій Завѣтъ (I—XXII). Протоіерея В. С. Соловьева. (Въ вышеозначенныхъ 22 выпускахъ чтеній изложена Священная Исторія Ветхаго Завѣта отъ переселенія Авраама въ землю Ханаанскую до Рождества Христова, въ связи съ современными условіями жизни Св. Земли и съ указаніемъ священно-историческихъ мѣстностей въ ихъ настоящемъ состояніи).

III. *Русское паломничество. 36-й и 37-й вып.* Древне-русское паломничество. А. Н. Пыпина; 38-й вып. Путь въ Св. Землю. В. Н. Хитрово; 39-й и 49 й вып. Іерусалимъ и его ближайшія окрестности,—его-же; 41 вып. Виѳлеемъ, Хевронъ, Горняя,—его-же; 44-й вып. Лавры Свв. Саввы, Ѳеодосія и Харитонія,—его-же; 46-й вып. Храмъ Воскресенія въ Іерусалимѣ, М. И. Осипова. 47-й вып. Виѳлеемъ и его окрестности,—протоіерея Н. Н. Трипольскаго. 48-й вып. Святая Земля по слѣдамъ Русскихъ паломниковъ. I. Путь въ Св. Землю, Іерусалимъ и его окрестности. В. Д. Юшманова; 51-й вып.

Богошественная гора Синайская. Описаніе ея (I). В. Г. Добронравова; 52-й вып. Богошественная гора Синайская. Святыни ея (II). Его-же.

IV. *Современное положеніе Св. Земли 31-й вып.* Судьбы Іерусалима и Русскіе паломники,—протоіерея П. Смирнова; 32-й вып. Протестанты въ Св. Землѣ—Д. С. Дмитріевскаго; 33-й вып. Латиняне въ Св. Землѣ,—его-же; 34-й вып. Инославные въ Св. Землѣ.—А. И. Левочскаго; 35-й вып. Императорское Православное Палестинское Общество,—И. В. Малиновскаго; 45-й вып. Историческія судьбы Св. Града Іерусалима,—И. А. Виноградова; 50-й вып. Православіе въ Св. Землѣ и дѣятельность Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества для его поддержанія,—А. М. Курочкина

Цѣна каждаго выпуска 15 коп.

Выписывающіе книги изъ склада изданій Общества пользуются, по желанію, уступкою: выписывающіе на 10 руб. и болѣе—10%, члены Общества—20%, библіотеки учебныхъ заведеній и книгопродавцы 30%. Пользующіяся уступкою, за пересылку книгъ уплачиваютъ по разстоянію.

Туманныя картины ко всѣмъ вышепоименованнымъ чтеніямъ имѣются въ складѣ изданій Общества по цѣнѣ:

Раскрашенныя по 1 руб. 50 коп., нераскрашенныя по 75 коп. Уступки на картины не дѣлается, расходы по пересылкѣ относятся на счетъ покупателей.

Подробные каталоги изданій Общества и туманныхъ картинъ высылаются безплатно.

Складъ изданій: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., д. № 36.

---

16 апрѣля, въ 2 часа дня, въ залѣ С.-Петербургской городской думы, при участіи

прот. о. Іоанна Ильича Сергіева (Кронштадскаго)

открыто благотворительное Христолюбивое Общество

САМОПОМОЩИ ВЪ БОЛѢЗНЯХЪ.

И. д. редактора неоф. части свящ. *В. Соколовъ*.

Содержаніе: Слово при открытіи Кіевскаго Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія своего проповѣдническаго года, произнесенное 24 сентября 1900 года на литургіи въ Кіево-Срѣтенской церкви.—Св. Евстафій Плакида въ Египтѣ (Продолженіе).—Миссіонерская бесѣда со штундистами о крестѣ и крестномъ знаменіи.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ Кіевс. духовн. цензур. Комитета печат. дозв. 10 октября, 1900 г.
Цензоръ, проф. Акад. прот. *І. Корольковъ*.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская улица.